

АНАСТАСИЯ ЭЛЬБЕРГ

МИР МЕЖДУ

НАМИ

18+

Annotation

Доктор Вивиан Мори, оставивший шумный Париж и мечты о медицинской карьере и поселившийся в маленьком европейском городке. Актриса Афродита Вайс, живущая в его квартире и называющая себя ничьей женщиной. Писатель Адам Фельдман, казалось бы, совершенно случайно оказавшийся персонажем этой истории. И... тайна. Своя у каждого.

Анастасия Эльберг

Мир между нами

Авторское предисловие

«Мир между нами» – это не справочник по медицине, не книга о том, как строить отношения, дружеские или любовные, и даже не трактат, посвященный соблазнению женщин или мужчин. Читатель – особенно внимательный читатель – найдет здесь массу ошибок. Это не плохо и не хорошо. Это просто факт. Я не стремилась к тому, чтобы написать идеальную книгу с идеальными героями и идеальным финалом. На сегодняшний день из-под моего пера (и из-под пера моего чудесного соавтора Анны Томенчук) вышло больше двадцати книг, но один из моих главных принципов остался неизменным: я рассказываю истории. Моя цель – это рассказать читателю историю, которая вызывает эмоции. И я искренне советую воспринимать «Мир между нами» как историю о людях и сложных отношениях между людьми. Я не вкладывала в роман философский смысл – по крайней мере, намеренно. Я не читаю вам мораль – от всего, что касается морали, эта книга очень далека.

Так что приготовьте себе чашку вкусного чая или крепкого кофе. Или возьмите бокал вина. Сядьте в любимое кресло и приступайте к чтению. Добро пожаловать в Мирквуд. Герои с нетерпением ждут встречи с вами и искренне верят в то, что это взаимно.

Всегда ваша, Анастасия Эльберг.

Август 2019 года

Тверия, Израиль

Мирквуд, Европа

Глава первая

– Господин Фельдман, вы обещали, что сегодня не будете работать.

Молодая медсестра присела на стул возле кровати и положила на колени принесенные документы. Она смотрела на Адама в упор, но тот не повел и бровью – абзац был не дописан, и это означало только одно: он занят, и никто не вправе ему мешать.

– Нельзя так относиться к своему здоровью, господин Фельдман, – предприняла очередную попытку достучаться до пациента медсестра. – Я не говорю, что вы должны перестать работать. Но вам нужно отдохнуть!

Адам закрыл ноутбук.

– Послушайте, сестра, – сказал он. – Я закончу, а потом мы обсудим все темы на свете.

– Тогда позвольте задать пару вопросов касательно вашего самочувствия. Результаты анализов с вами обсудит доктор.

Адам поднял глаза на медсестру.

– Доктор? – переспросил он. – Тот, что смотрел меня вчера?

– Нет, это был дежурный врач. Вас осмотрит ваш личный доктор. – Медсестра улыбнулась. – Он вам понравится.

– Задавайте свои вопросы. Надеюсь, много времени это не займет. Вы ведь хотите прочитать мой новый роман?

Слабая точка была найдена.

– Конечно, господин Фельдман! И не только я! – Она выдержала паузу и добавила, приняв серьезный вид: – Но если вы не позволите себе отдохнуть хотя бы пару дней, то новую книгу придется отложить, и вашим преданным читателям придется ждать непростительно долго.

Адам нетерпеливо мотнул головой, и медсестра, закивав, склонилась над листами.

– Как давно вы были у врача?

– Не помню, – честно признался Адам и вернулся к рукописи.

– Как часто у вас болит живот?

– Часто, но кровью меня не рвало никогда. До вчерашнего дня.

– Вы когда-нибудь посещали гастроэнтеролога?

– У меня нет ни язвы желудка, ни гастрита, если вы об этом.

Медсестра зашелестела документами.

– Как вы себя чувствовали в последнее время, господин Фельдман? Слабость, перепады давления, сонливость, снижение работоспособности? Что-то, что могло бы заставить вас обратиться к врачу?

– Я не пойду к врачу, даже если мне приставят пистолет к виску.

Медсестра отложила документы и достала из кармана халата пейджер.

– А вот и доктор, – сказала она, и на ее лицо вернулась прежняя улыбка – немного рассеянная и смущенная. – Как раз вовремя.

Адам ожидал увидеть пожилого джентльмена в очках, на худой конец – привлекательную женщину чуть за сорок. Но доктор оказался высоким голубоглазым брюнетом, судя по всему, не так давно отпраздновавшим двадцать пятый день рождения. Брюнет был одет в брюки классического покроя с идеально отглаженной «стрелкой» и голубую, под цвет глаз, шелковую рубашку, которую Адам надел бы разве что в театр. Он походил на богатого

студента, сделавшего одолжение своему профессору и пришедшему на пару часов практики.

– Благодарю вас, Мари, вы свободны, – обратился доктор к медсестре.

– Я закончила обход, доктор.

Щеки Мари залились румянцем.

– До конца вашей смены осталось полтора часа?

– Да, доктор.

Брюнет с улыбкой кивнул ей.

– Подождите меня в кабинете. Вы устали. Выпейте кофе.

Адам проводил взглядом медсестру.

– Доктор Вивиан Мори, – представился врач.

Если житель Мирквуда ни разу не слышал о докторе Мори, значит, газеты он не читает.

Один из самых молодых профессоров городского университета, автор нескольких книг и десятков научных работ. Адам видел его фотографии в газетах. Особенно хорошо он помнил статью о благотворительной поездке в Ливан: врач собрал небольшую команду коллег и финансировал поездку от первого до последнего цента.

Доктор Мори занял стул, на котором несколько минут назад сидела медсестра. Адам отметил, что походка у врача очень легкая – создавалось впечатление, будто Вивиан не прикасается к земле. Слишком женственная для мужчины. В облике врача сквозило что-то аристократичное и тонкое, и это ему не нравилось.

– Для начала отвечу на часто задаваемые вопросы, – продолжил доктор Мори, положив ногу на ногу – еще один жест, который Адам терпеть не мог. – Я на самом деле доктор медицины, и специализации у меня две: психоанализ и онкология. Мне тридцать три года, и я уже давно не студент. Что до походки – я больше десяти лет танцевал классические танцы. Моя сексуальная ориентация в полном порядке, я люблю женщин, так что повода для волнений нет.

Адам натянуто улыбнулся.

– Как вы себя чувствуете? Выглядите вы лучше, чем вчера. Да, я уже успел посмотреть на вас. Вы спали. У вас до сих пор болит живот?

– Все прошло. Надеюсь, меня скоро отпустят домой.

Вивиан кивнул.

– Больница – не самое веселое место в этом городе. Вы работали? Простите, я отвлек вас. Как продвигается новая книга?

– Думаю, месяца через четыре она уже появится в магазинах.

– Целых четыре месяца?! Помилуйте, господин Фельдман! Я дважды перечитал «Мир между нами», не говоря уж о четырех предыдущих! Вас не раздражает, когда читатели говорят с вами о вашем творчестве?

– Напротив, мне приятны такие разговоры.

– «Прозрачный гранит» – вот какой роман мне нравится больше прочих. Это ваша вторая книга, если не ошибаюсь? Замечательная вещь. Главный герой в чем-то похож на вас?

Адам развел руками.

– Даже не знаю, что сказать... в личностном плане, полагаю, похож.

– Я имею в виду пороки. Вы тоже делаете из них культ?

– Пороки – это неотъемлемая часть человеческой жизни, доктор. Что до культа... над этим стоит подумать.

– Мне нравится ход ваших мыслей. Как-нибудь я приглашу вас на бокал вина. Или вы

предпочитаете коньяк? Я не пью ничего, кроме вина, но гостям предлагаю то, что они хотят. Кстати, угощайтесь. Да, здесь можно курить. Я разрешаю.

Вивиан достал из кармана медицинского халата портсигар и протянул его Адаму, но тот отказался. Доктор пожал плечами и, достав сигарету, поднес к ней огонек зажигалки. Табак был завернут в коричневую бумагу, а дым пах чем-то сладким, напоминавшим то ли ваниль, то ли гвоздику.

– Вы зря отказываетесь, – заметил Вивиан. – Знаете, что убьет вас, господин Фельдман?

– Курение? – улыбнулся Адам. – Пороки? Работа?

– Вы сами убьете себя, друг мой.

Особых поводов для веселья не было, но Адам не удержался от смеха.

– Вы хотите сказать, что у меня рак?

– Доброкачественное новообразование, которое мы легко и быстро удалим. Но когда люди противятся своим желанием, это их убивает. И это обиднее, чем умереть от рака. – Вивиан снова протянул ему портсигар и повторил: – Угощайтесь.

Адам, не зная, как реагировать на шутку врача, взял предложенную сигарету и осторожно понюхал ее. Вивиан одобрительно кивнул.

– Не волнуйтесь, там нет ничего страшного. Только пропитанная опиумом бумага и смесь трав. Я зайду под вечер. Оставить вам пару сигарет?

– Нет, благодарю.

– Может быть, я попрошу Мари заглянуть к вам на часок?

Адам взглянул в лицо врача, пытаясь понять, что он имеет в виду – приятный сладковатый дым сигареты навевал сон. Вивиан смотрел на него, положив руки в карманы, и улыбался. При более близком рассмотрении его глаза, спрятанные за стеклами небольших очков с тонкими стеклами, оказались не голубыми, а темно-синими.

– Спасибо, доктор. На сегодня достаточно лекарств.

– Очень жаль. Тогда все лекарство достанется мне. Включая удовольствие.

Глава вторая

Через пару недель после операции Адаму разрешили не только самостоятельно вставать с кровати, но и позволили прогуливаться по коридору, а потом – и по парку больницы. Доктор Мори сообщил пациенту, что дела идут хорошо, но работать не разрешал: несмотря на сдержанность и воспитанность, в этом вопросе врач проявил непреклонность. Взамен компьютера, бумаги и ручки Вивиан принес пациенту несколько книг, и тот был приятно удивлен – выбор оказался удачным.

Доктор Мори произвел на Адама неоднозначное впечатление. То есть, впечатление он, конечно, произвел хорошее – тот самый случай, когда сделанные после первого знакомства выводы не соответствуют действительности. Коллеги уважали его, несмотря на то, что он, похоже, был самым младшим среди врачей. С докторами Вивиан беседовал вежливо и дружелюбно, иногда позволяя себе циничные медицинские шутки, которые имели успех у окружающих. Также новый знакомый Адама часто общался с пациентами: он знал, кто как себя чувствует, у кого какое настроение, поздравлял с днем рождения или другой знаменательной датой, преподнося небольшой подарок.

С коллегами-женщинами у доктора Мори отношения были другими. Он не рассказывал пошлых шуток, не позволял себе прикасаться к кому-либо на людях, но в том, что у этого вопроса существует другая сторона, сомневаться не приходилось. Это было заметно по тому, какими глазами на доктора смотрела женская часть коллектива. Против служебных романов Вивиан ничего не имел, да и коллеги, которые, разумеется, знали, как обстоят дела, его не осуждали. Во всем, что касалось пациенток, доктор Мори строго держал дистанцию «врач-больной», но это не мешало женщинам краснеть, улыбаться и флиртовать, иногда неприкрыто и откровенно.

Да и сам Адам за эти недели сдружился с доктором Мори. Вивиан был приятным собеседником, но предпочитал слушать, а не говорить. Адам, который, в свою очередь, не привык выступать в роли рассказчика, примерил на себя нехарактерное для него амплуа и пришел к выводу, что в такой роли ему комфортно. Казалось, что с Вивианом можно говорить буквально обо всем. Адам не раз ловил себя на мысли, что именно такого человека он хотел бы видеть в качестве близкого друга.

Доктор Вивиан Мори был красив, умен, образован, нравился женщинам и имел великосветские манеры. Любой нормальный человек сказал бы о нем «идеален». И это было единственной деталью, настораживавшей Адама в его новом приятеле.

Отдых пошел Адаму на пользу. Он не прикасался к рукописи две недели, и в голове появились свежие задумки. Теперь ему не терпелось продолжить работу. Впрочем, была у него и другая мысль – провести еще несколько дней в состоянии дремлющего ленивца, и в глубине души он надеялся, что доктор порекомендует что-то подобное.

Доктор Мори сидел за письменным столом и заполнял документы. Кабинет был небольшим и светлым, и первым, что бросалось в глаза, было отсутствие ненужных предметов. Продуманная до мелочей обстановка – вместительный шкаф с прозрачными дверцами, где лежали больничные карты, письменный стол, рабочее кресло и два кресла с другой стороны, для посетителей, в углу – журнальный столик и два удобных кресла, но уже

не офисных, а «домашних». Своими достижениями доктор, похоже, хвастаться не любил: и дипломы, и грамоты, и благодарственные письма висели на стене рядом со столом, так что разглядеть их мог только тот, кто займет одно из кресел.

Заметив посетителя, Вивиан поднял голову и снял очки.

– Проходите, – сказал он. – Вас можно поздравить, вы вырвались на свободу.

– Не знаю, что насчет свободы, но отдохнул я замечательно.

– Что я могу сказать вам, мой друг? Вы вполне здоровы. Первое время я советую воздерживаться от соленого и острого, а также не налегать на кофе. Спиртные напитки запрещены. Побольше ходите пешком.

На столе доктора Адам увидел три фотографии в тонких серебристых рамках. На первом фото – как подумалось ему, такой снимок должен находиться на столе любого врача – фотограф запечатлел Вивиана в мантии и профессорской шапочке с гербом университета Сорбонны. На втором фото доктор Мори находился в компании коллег – судя по флагам за их спиной, этот снимок был сделан во время знаменитой поездки в Ливан. А третье фото не было связано ни с работой, ни с учебой. Вивиан сидел в кресле рядом с камином и держал в руках бокал с вином.

– Вы совсем не изменились, – сказал он с улыбкой, бросив взгляд на Вивиана.

– Не всегда внутренние изменения отражаются на нашей внешности, господин Фельдман. Вы бывали во Франции?

– Ни разу.

Доктор Мори отложил очки и откинулся на спинку кресла.

– Это замечательная страна, – сказал он отстраненно. – Когда-то я думал, что буду жить там и читать лекции в Сорбонне, а по вечерам ужинать в дорогом ресторане с красивой француженкой.

– И вы променяли это на Мирквуд? Почему?

– Это разговор для посиделок дома за рюмкой коньяка, мой друг. Не сейчас. Но могу вас уверить – я люблю Мирквуд ничуть не меньше Парижа, и к нашему университету питаю теплые чувства.

– Как часто вы преподаете?

– Три раза в неделю. И иногда по пятницам. Для самых прилежных студентов.

В кабинете было жарко, и Адам снял свитер, сложив его на коленях.

– Любопытно. Я ни разу вас там не видел.

– Здание медицинского факультета находится на некотором расстоянии от основного здания кампуса. Что вы преподаете? Литературу, как и большинство писателей?

– Писательское мастерство.

Вивиан взял чашку с кофе.

– Не думал, что можно научить писать.

– Нельзя. Можно открыть в себе писателя.

Пейджер доктора Мори пару раз пискнул. Он посмотрел на экран.

– Прошу прощения, мой друг, вынужден оставить вас. Я вернусь через несколько минут. Пожалуйста, не скучайте.

Когда за Вивианом закрылась дверь, Адам в очередной раз оглядел кабинет. Только сейчас он заметил, что здесь много комнатных растений, причем большая часть из них была привезена из других стран. Больше всего его впечатлила комнатная пальма, стоявшая в углу – она выглядела уменьшенной копией ее крупной «родственницы». Пальме не хватало разве

что крохотных кокосов и лазающих по стволу карманных обезьянок.

В кабинете было тихо. Почти неслышно играла музыка по радио, щебетала примостившаяся на окне птица. Адам задумался о своем и не сразу осознал, что в кабинете не один.

– Пациенты ждут доктора, доктор ходит по своим делам. Знакомая картина.

Приятный женский голос заставил Адама вздрогнуть от неожиданности, и он резко обернулся. Напротив него стояла красивая темноволосая женщина. Одета она была странно – в длинное платье старинного покроя: качественная ткань, корсет, открытые плечи и декольте. Подошло бы для бала при дворе в Англии начала нового времени. Пока Адам размышлял, как реагировать на неожиданное появление женщины, она изогнула слегка подведенную бровь и склонила голову.

– Вы немой?

– Нет, просто... вы меня напугали.

– Если я не вовремя, то подожду за дверью. В таком наряде я сойду за пациентку. Я не о раке, если что.

Адам улыбнулся.

– У вас великолепное платье.

Женщина заняла второе кресло.

– Не обращайтесь внимания – я только что с репетиции. Вивиан сказал, когда он вернется?

– Через несколько минут. А вы к нему по делу?

– Не слишком ли наглый вопрос, особенно если учесть, что вы задаете его незнакомой женщине?

– Вы правы. Меня зовут Адам. А вас?

– Афродита. Адам. Адам Фельдман? Писатель? Вивиан обожает ваши книги! Он, наверное, замучил вас вопросами о сюжетах и героях?

Адам поднял с ковра свитер, который уронил во время неожиданного появления Афродиты.

– Мне нравится беседовать на подобные темы.

– Он может говорить об этом часами, я его знаю. Но уж лучше о книгах, чем о медицине.

– Вы играете в театре?

– Иногда и в кино.

Афродита достала из сумочки портсигар и, достав из него тонкую сигарету, закурила. Она повернулась к Адаму боком, и он увидел на ее шее татуировку – два следа кошачьих лапок.

– Так вы пришли к доктору по делу, Афродита? – снова заговорил Адам.

– Я пришла для того, чтобы пригласить его на обед.

– Значит вы... – Адам запнулся, почему-то решив, что это прозвучит глупо. – Его женщина?

Афродита в очередной раз изогнула бровь: сейчас удивление выглядело более правдоподобным.

– Его женщина? – переспросила она. – Я ничья женщина. По крайней мере, на данный момент.

– Извините. Это было бестактно с моей стороны.

– Судя по всему, вы не обременяете себя тактичностью. А вы к доктору по делу?

– Он должен заполнить документы по выписке из больницы.

– В добрый час. Чувствуйте себя хорошо и старайтесь не попадать сюда. – Она улыбнулась. – По делу.

Вернувшийся Вивиан на ходу снял халат.

– Ни минуты покоя, – пожаловался он. – Когда приводят интернов, я всегда как на иголках. – Он посмотрел на Афродиту. – Дорогая. Мы договаривались, что я за тобой заеду.

– Я решила прогуляться, – заявила Афродита. – И показать платье.

– Ты имела успех?

– Разве бывает иначе?

Вивиан сел за стол и снова взял документы.

– Вот необходимые бумаги, мой друг, – сказал он, обращаясь к Адаму. – Помните о моих рекомендациях. Я не хочу снова видеть вас в приемном покое. Лучше воспользуйтесь этим.

На стол легла визитная карточка: на ней были указаны телефонные номера Вивиана, а также электронная почта и домашний адрес.

– Буду рад вашему звонку, – сказал доктор Мори и с улыбкой кивнул Адаму. – История про Париж ждет вас.

Глава третья

Афродита стояла напротив большого зеркала и изучала свое отражение. Она поворачивалась то одним, то другим боком, придерживая полы шитого золотом белого хитона.

– Я похожа на гетеру? – спросила она.

– Разве что если отрезать от этой ткани две трети.

– Я почтенная гетера!

– Одну треть.

Вивиан сидел в кресле возле окна и читал при свете торшера. На столе чуть поодаль стояла бутылка вина и два бокала, один из которых был наполовину пуст.

– Может быть, на самом деле немного отрезать? – предположила Афродита, оглядывая хитон. – Ну уж нет! Лучше сделать декольте поглубже. И открыть спину.

Она еще немного полюбовалась на себя, собрав волосы и оглядев шею, после чего подошла к столу и, взяв полупустой бокал, заняла второе кресло.

– Сегодня ты молчишь и молчишь, – печально сказала она.

– У меня был тяжелый день.

– Ты уверен, что причина именно в этом? – Афродита посмотрела на него. – Болит?

Вивиан с улыбкой покачал головой и отложил книгу.

– Не больше, чем всегда. Лучше расскажи, как прошел твой день. Что вы изучали в университете?

– У нас был семинар по импровизации. Я произнесла монолог женщины, которая влюбилась в изнасиловавшего ее мужчину. В зале даже плакали, представляешь?

– Как кто-то сказал задолго до нас, слезы – лучшая награда для творца. – Вивиан взял со стола сигареты. – Факультет актерского мастерства. Кто бы мог подумать. Людей учат играть то, что написали другие, но почему-то не рассказывают о том, как писать свое.

– Я бы с удовольствием что-нибудь написала, – мечтательно сказала Афродита.

– Тогда возьми. Это тебе.

Девушка с минуту изучала лист бумаги, который Вивиан достал из книги.

– Что это? – любопытствовала она.

– Курс писательского мастерства, который ведет Адам Фельдман. Включает не только теоретические занятия, но и практические семинары. Проза, стихи. Драматургия. Он недавно начал новый курс, ты пропустила только один урок.

– Да, звучит неплохо... и курс, и семинар как раз тогда, когда у меня «окна» в расписании... не знала, что Адам Фельдман преподает. Как он тебе? Более скучный, чем его книги?

– Он интересный человек.

Афродита вернула бокал на стол и тоже взяла сигарету.

– Книжки у него замечательные, – сказала она. – Хочется думать, что в жизни он хотя бы отдаленно напоминает своих героев.

– Можешь проверить.

– Он женат?

– Нет.

– Уже хорошо. Хотя даже если бы и был, мне бы это не помешало.

Афродита положила голову на спинку кресла и выпустила в потолок тонкую струйку дыма.

– Он спросил, твоя ли я женщина, – сказала она.

– И что ты ответила?

– Что я ничья женщина. А вот ты – мой мужчина.

Вивиан потушил сигарету.

– Потому что ты со мной спишь?

– То, что я с тобой сплю, делает меня твоей женщиной?

– Нет. Но то, что ты спишь с другими, не делает тебя чужой.

Афродита поднялась и подошла к нему.

– Даже пара затяжек опиума не мешает вам мудро мыслить, доктор. – Она положила тлеющую сигарету в пепельницу. – Какой женщиной я буду сегодня? Пожалуй, чужой.

Когда крепкий латте был допит, а омлет с зеленью, вкусный, но слишком сытный для того, чтобы съесть его полностью, был отставлен в сторону, Адам отложил книгу и устало потер глаза. Спал он хорошо, но мало – всего три часа. Он начисто забыл о том, что сегодня в университет нужно приехать к первой паре и лег спать непростительно поздно. Но не читал и не работал над рукописью, а занимался другим, очень необычным для него делом – смотрел кино.

Черновик романа был завершен, и после первой вычитки Адам отправил рукопись литературному агенту. Агент вот уже неделю молчал, не удосуживаясь высказаться по поводу прочитанного даже электронным письмом в пару строк. Обычно он уже после первых страниц звонил Адаму (часто с утра, когда тот даже не успевал открыть глаза, не говоря уж о том, чтобы выпить кофе и позавтракать) и начинал вдохновенный монолог. Молчание агента можно было принять либо за недовольство прочитанным, либо за шок от гениального романа «самого великого писателя современности».

Неделя у Адама выдалась свободная, если не считать мелких дел, и он, подумав, решил отдохнуть от работы. Он дочитал три книги, купил пару новых дисков, отвез машину в гараж, сделал основательную уборку и заполнил холодильник. А после этого приготовил чашку крепкого кофе, закурил, сел возле компьютера и, открыв браузер, набрал в строке поиска «доктор Вивиан Мори».

Вивиан Мори – а если быть более точным, Дитрих Вивиан Рихард Пьер Мори фон Турнунд Таксис – был младшим ребенком в семье, и принадлежал к древнему роду немецких аристократов. Точнее, его отец Рихард принадлежал к древнему роду немецких аристократов. Мать, Элизабет Франсуаза Мори, была обычной француженкой. И Вивиан был младшим ребенком не совсем в семье – это было дитя страсти молодого врача и скучающего аристократа, который поехал в Париж и, познакомившись там с Элизабет, провел с ней одну-единственную ночь. Рихард был старше матери Вивиана на пятнадцать лет, но это его (Рихарда) не печалило. Впрочем, не печалило это и мать – она приняла свое решение и вырастила ребенка одна. Рихард регулярно навещал Элизабет и сына в Париже, в перерывах между визитами переводил женщине приличные суммы денег, а после своей смерти, на момент которой Вивиану исполнилось двенадцать, завещал мальчику часть состояния.

Окончив школу, Вивиан поступил на медицинский факультет университета Сорбонны, а его мать вышла замуж. Муж, Джозеф Стайп, богатый юрист, увез Элизабет в Америку. С отчимом отношения у доктора Мори не ладились, чего нельзя было сказать о Рене, его

сводной сестре.

Итак, доктор Мори окончил университет и начал работать ассистентом профессора Аллара, известного парижского психиатра. Через пару лет (по примерным подсчетам, которые сделал Адам, доктору Мори тогда было двадцать семь, с учетом того, что он поступил в университет в восемнадцать) он начал свою практику. На этом история обрывалась. Вивиан проработал около года, и коллеги признавали, что молодой специалист подает большие надежды. История начиналась вновь уже в Мирквуде, когда доктор Мори, отпраздновав свой тридцать первый день рождения, блестяще защитил вторую диссертацию. На вопрос «по какой причине доктор покинул Париж» Адам ответа не нашел.

Тот факт, что склонность к медицине Вивиан получил от матери, сомнений не вызывал. От отца он перенял тягу к изысканным удовольствиям, часть из которых вряд ли можно было назвать приличными. Также он ценил искусство, в частности, театр, музыку и литературу – одна из статей рассказывала, что дома у доктора Мори есть большая коллекция редких книг.

Тайной для Адама оставалось только одно – как Вивиан ухитрился собрать эту коллекцию в городской квартире. Из прочитанного можно было сделать вывод, что тот владеет если не вычурным викторианским особняком на окраине города, то хотя бы домом в одном из хороших районов. Но доктор Мори жил в обычной квартире. Правда, в хорошем районе. И квартира была двухэтажной.

В свои тридцати три Вивиан оставался холостяком. Желтая пресса, на все голоса обсуждая его женщин, ни разу не писала о каком-либо серьезном романе. И эту чудную картину прекрасно дополняла Афродита Вайс, с которой он жил уже четыре года, и которую та же желтая пресса называла «гражданской женой доктора Мори».

Гражданская жена доктора Мори была младше его на десять лет – ей недавно исполнилось двадцать три. Девушка из простой семьи – ровным счетом ничего примечательного, если не говорить о внешних данных. И ее знакомство с Вивианом, и то, почему через три месяца после этого знакомства она перевезла свои немногочисленные вещи к нему домой, тоже оставалось тайной – не говоря уж о том, почему доктор Мори изменил своему тонкому вкусу и решил, если можно так выразиться, связать свою жизнь с выросшей в трущобах женщиной.

Их отношения удивляли еще больше. Вивиан менял женщин каждую неделю, Афродита поступала так же, только предпочитала и женщин, и мужчин. Она училась в университете на факультете актерского мастерства, снималась в кино и играла в театре. В ее сумочке всегда была кредитная карточка и чековая книжка – обе на имя доктора Мори. У нее был такой гардероб, которому могла позавидовать Софи Лорен. А также у нее был белый «порше», на котором она разъезжала по городу.

Вместе Вивиан и Афродита на людях появлялись редко. Они жили вместе, но спали порознь? Адам сомневался, что здоровая психически и физически женщина сможет жить с доктором Мори и не спать с ним. Ее выдержки хватит максимум на пару дней. Это было еще одной загадкой, которую он разгадать не смог. И решил, что загадок достаточно. А поэтому скачал из сети пару фильмов с участием Афродиты Вайс.

В двух фильмах она играла разные по характеру роли, но Адам не мог отделаться от ощущения, что каждая из ролей написана для нее. Если при встрече она произвела на него впечатление недалекой, пусть и острой на язык особы, то в кадре она была другой. Она была... собой?

После просмотра фильмов Адам нашел в сети трейлер к сериалу «Мирквуд» по

одноименному роману, написанному в соавторстве двумя писателями. Трейлер ему понравился, но поиски сериала успехом не увенчались. Зато на следующий день он обнаружил заветный диск в одном из городских магазинов.

Сериал был, скорее, длинным фильмом, разделенным на несколько частей: красивая и печальная история женщины по имени Изабель Торнворд. Адам не знал Изабель лично, и его не особо волновало, насколько правдива история. Но после шести часов, начавшихся с момента нажатия на кнопку «play» в DVD-проигрывателе и закончившихся финальными титрами, он понял две вещи. Во-первых, он обязан найти роман. Во-вторых, Афродита Вайс рождена для того, чтобы быть актрисой... и, вероятно, он в нее влюблен. А, может, в Изабель Торнворд, роль которой она исполнила блестяще. Потом Адам понял и третью вещь: спать осталось три часа, а завтра нужно будет стоять перед аудиторией и хотя бы из вежливости не зевать на виду у студентов. Но теперь, посматривая на часы и подумывая, не заказать ли еще латте, он не жалел ни о чем. Фильм был прекрасен. И роман будет не хуже.

Звонок сотового телефона вернул его к реальности. Определитель показал номер литературного агента.

– Я думал, что ты обо мне забыл, – сказал Адам.

– Забыл?! Да я обо всем забыл! Ты понимаешь, что это гениально, Фельдман? По-моему, нет!

– Так тебе понравилось, Чарли?

На том конце провода выдержали долгую паузу.

– Ну не идиот ли ты, Фельдман? Нет, мне не понравилось. Потому что это гениальный роман! Его нельзя оценивать. Его нужно обсуждать долго, часами...

– У меня нет долгих часов, Чарли. Скоро лекция.

– Я сегодня же пошлю рукопись в издательство.

Услышав это, Адам даже поднялся со стула от переизбытка чувств.

– Это черновик! Я вычитывал второпях, потому что ты достал меня напоминаниями о сроках!

– Не валяй дурака, Фельдман. Ты знаешь, что я твоих «блох» вижу невооруженным глазом. Пара опечаток – но у кого не бывает. Роман готов. Или я когда-нибудь тебя подводил?

– Нет. Ты просто когда-нибудь загонишь меня в гроб, только и всего! Я не могу позволить тебе отсылать черновик! Я уже нашел там пару сюжетных несоответствий!

– Тогда спешу тебя обрадовать – пять минут назад я уже отослал рукопись.

Адам медленно опустился на стул.

– Скажи мне, что ты шутишь, Чарли. Без моего согласия ты бы этого не сделал.

– Ладно, ладно. Я ничего не отсылал. Так уж и быть, даю тебе неделю на то, чтобы внести правки, которые там не нужны, и поправить сюжетные несоответствия, которых там нет. Но запомни, Фельдман. У тебя есть неделя. Ни днем, ни часом больше.

– Ты точно когда-нибудь загонишь меня в гроб, Чарльз.

– Зови меня просто Чарли. Ну, разве я не молодец? Бывай.

– Доброе утро, господин Фельдман. Простите, я подслушала ваш разговор. Новая книга уже готова?

Афродита Вайс, положив сумочку на стол, заняла кресло напротив. На этот раз на ней был строгий костюм-«тройка» темно-серого цвета. Афродита положила ногу на ногу, сделала вид, что снимает босоножку на высоком каблуке, но на самом деле просто поиграла ей, и посмотрела на Адама.

– Да.

– Я, пожалуй, закажу кофе. – Она подозвала официантку. – Будьте добры, принесите макиато. Без сахара. И покрепче.

Адам в очередной раз оглядел Афродиту. Собранные в строгую прическу волосы, легкий макияж и очки (видимо, с обычными стеклами, но это только добавляло созданному образу шарма), на шее вместо галстука – шелковый платок с приколотой к нему брошью в виде небольшой ящерицы. Она, как и в прошлый раз, достала портсигар и прикурила от небольшой «зиппо» с изящным узором.

– Что вы делаете тут в такой час? – спросил Адам, принимаясь за еду.

– Я записалась на ваш курс. Прошу прощения, что пропустила первое занятие. Но я обязательно перепишу конспект. Я прилежная студентка.

– Вы пишете?

– Нет. Но хочу написать сценарий.

– Я уверен, что у вас получится. Кстати, я посмотрел несколько ваших фильмов. Вы прекрасно играете. Особенно мне понравился «Мирквуд».

Официантка принесла кофе. Афродита подвинула к себе чашку, но пробовать не торопилась. Она сделала пару затяжек и, прищурившись, посмотрела на Адама.

– Правда?

– Да. Конечно, я понимаю, что это не только талант, но и тяжелая работа. Все творческие люди это понимают. Но играете вы великолепно.

– Вы на самом деле так считаете?

Адам поднял на нее глаза – так, будто хотел убедиться, шутит ли она или говорит серьезно.

– А я похож на человека, который говорит такие вещи просто так?

– Нет. Мне приятно, когда вы это повторяете.

Адам закивал и отставил в сторону омлет.

– Я хочу задать вам вопрос. Если не хотите, можете не отвечать. Что вас связывает с доктором?

Афродита улыбнулась и сделала глоток кофе.

– А вы положили на него глаз?

Адам поднял бровь.

– А что если так?

Она расхохоталась.

– Мы живем вместе. Думаю, вы читали газеты.

– А кем вы приходитеесь ему на самом деле?

Афродита сделала очередную затяжку и сбросила пепел, легко постучав по сигарете покрытым темно-красным лаком ногтем.

– Я ведь говорила. Ничьей женщиной.

– Да, но вы живете под одной крышей. Вы как-то проводите время вместе по вечерам. Читаете? Беседуете? Смотрите кино?

– Читаем, беседуем, смотрим кино. Иногда Вивиан смотрит, как я репетирую роли. Иногда он делится со мной тем, что произошло у него на работе. Иногда мы ходим вместе в оперу или в театр. Иногда мы гуляем в парке и кормим уток. Но большую часть времени мы занимаемся сексом. Иногда нюхаем кокаин. Иногда курим опиум. Иногда занимаемся сексом с кем-то еще. У нас часто бывают гости. Вы пробовали секс втроем?

Адам тоже достал сигареты. Афродита протянула ему свою зажигалку.

– Ни разу. Вам нравятся женщины?

– Мне нравится все, что доставляет мне удовольствие. Это – одна из вещей, которая связывает меня с доктором. Ему тоже нравится все, что доставляет удовольствие. Когда вы соберетесь к нам на кофе, Адам? Мы ждем.

– Пока что я с удовольствием пригласил бы на кофе вас.

Афродита улыбнулась.

– Меня нужно заслужить.

– А как вас в свое время заслужил доктор?

Кокетливая улыбка на ее губах сменилась печальной.

– Скорее, это я его заслужила. Скажем так – от меня он получает то, чего не может получить от других женщин.

– Это интересно. Так что вы думаете насчет приглашения на кофе?

– Вы не ответили на мой вопрос. Как бы вы меня заслужили?

– Я подумаю.

– Не забудьте сообщить мне ответ.

Адам посмотрел на часы.

– Нам пора, – сказал он. – В аудитории нельзя пить кофе, но для вас я могу сделать исключение.

Афродита поднялась и взяла сумочку.

– Вы уже частично заслужили меня, Адам.

Глава четвертая

– ... я бы назвал эту вещь самой личной, когда-либо написанной мной. Как это всегда и бывает, я до последнего момента не знал, как будут обстоять дела. Но это и интересно в профессии писателя.

Адам взял стакан с водой и сделал пару глотков. Зал был слишком большим для двадцати-тридцати человек, занимавших первые ряды. Кафедра напоминала Адаму лекционный зал университета, но он был рад тому, что на этот раз читателей немного. Объяснялось это, прежде всего, тем, что официальная презентация книги состоялась неделю назад, и тогда зал не мог вместить всех желающих – организаторам в последний момент пришлось ломать голову над тем, откуда взять дополнительные стулья. Теперь Чарли организовал встречу в небольшом читательском клубе, в соседнем помещении известного книжного магазина. Читателям эта идея понравилась, а Адаму – еще больше.

– А теперь вы можете задавать вопросы. – Адам оглядел зал. – Я знаю, вы долго ждали этого момента.

Публика зашелестела блокнотными листами.

– Скажите, господин Фельдман, не хотели бы вы попробовать себя в ином жанре? – спросила светловолосая девушка, сидевшая во втором ряду. – Мне кажется, что вы могли бы написать замечательный детектив.

– Я верю в теорию о золотой жиле, – ответил Адам. – Я нашел то, что получается у меня лучше всего. Точнее, жанр, в котором мне комфортно писать. В свое время я много экспериментировал, но пришел к мысли, что стоит сосредоточиться на одном и делать это так хорошо, как я могу. И даже лучше.

– Насколько мне известно, вы когда-то писали рассказы, – заговорил молодой человек в очках, сосед девушки. – Где их можно прочитать?

Адам поморщился.

– Вы на самом деле хотите почитать мои старые рассказы? Я бы скорее предложил вам неисправленный черновик.

Тихий смех в зале сменился молчанием.

– Рассказы можно найти в городской библиотеке. Когда-то я отсылал их во все известные и неизвестные журналы.

После тридцати минут ответов на вопросы Адам почувствовал, что говорить больше не может, и начал отвечать короткими фразами. А еще через четверть часа решил, что встречу нужно заканчивать – близилась полночь, а дома ждал очередной фильм с Афродитой Вайс.

– Последний вопрос, – заговорил он, – и на сегодня все. Думаю, у всех есть адрес моей электронной почты, и все знают, как меня найти на Facebook. Но на всякий случай напишу это здесь.

Он поднялся, подошел к небольшой белой доске и взял маркер.

– У меня есть вопрос, господин Фельдман, – услышал он смутно знакомый голос. – Как часто вам необходимы новые ощущения для того, чтобы творить? И как вы их получаете?

Адам обернулся и встретился взглядом с доктором Мори, который сидел в третьем ряду. Через пару секунд тот поднялся и приветственно кивнул ему. На Вивиане был темно-зеленый костюм, который по фасону больше напоминал старомодный камзол, в руках он держал белые перчатки и трость, а рядом с ним на свободном стуле лежала шляпа-цилиндр. Адам

подумал, что в таком образе доктор смотрится гармоничнее, чем в белом халате. А также о том, что в подобном виде мало кто ходит по улице, даже если учесть, что в Мирквуде нормальным поведением считалось ненормальное.

Женская половина зала повернула головы в сторону доктора Мори. Он смущенно улыбнулся.

– Я могу присесть, Адам? Я чувствую себя неловко, когда оказываюсь в центре внимания.

– Конечно, доктор. Спасибо, что пришли. Я не заметил вас в зале.

– В следующий раз я надену что-нибудь поэффектнее.

Куда уж больше, подумал Адам.

– Новые ощущения необходимы регулярно. Все новое вдохновляет.

– Думаю, вы поняли, какие ощущения я имею в виду?

Пауза затягивалась. Доктор Мори ждал ответа. А вместе с ним ждал весь зал.

– Вы имеете в виду пороки, доктор? – заговорил он наконец.

– Вы детально описываете ощущения после принятия кокаина. Это интересно.

– В нашем городе много заведений, где можно попробовать что-то новое. Полагаю, вы в курсе.

– Полагаю, мой вопрос вас смутил?

– Скорее, оказался неожиданным.

– Неожиданно, господин Фельдман, бывает только оргазм у женщины до того, как вы получили удовольствие.

В зале рассмеялись. Доктор Мори прижал руку к груди, изобразив смущение

– Прошу прощения. Я задал больше одного вопроса, мне следует замолчать, пока я не сказал лишнего.

Когда читатели разошлись, Вивиан подошел к Адаму.

– Надеюсь, я не поставил вас в неловкое положение своей шуткой?

В ожидании ответа доктор Мори смотрел собеседнику в глаза – так, словно хотел получше разглядеть его реакцию.

– Я ожидал от вас более тонкого юмора.

– Прошу прощения.

Адам взял папку, и они с Вивианом пошли в направлении выхода.

– Вы позволите подвезти вас? – заговорил доктор Мори.

– Не вижу причин для того, чтобы отнимать у вас время. Я могу позволить себе поспать пару лишних часов, а для врачей это роскошь.

– Я провел на работе двадцать часов, мне по праву полагается выходной.

Адам устроился на пассажирском сидении темно-вишневого «БМВ» доктора Мори и пристегнул ремень. Вивиан занял водительское кресло.

– Где вы живете?

– Недалеко. Выезжайте, я покажу дорогу.

– Нет, так не пойдет. У меня есть вопросы, которые я не задал в зале, но хотел бы задать сейчас. Вы, конечно, уже отмечали выход книги и вправе мне отказать, но я помню о своем обещании.

– Это была рюмка коньяка у вас дома, доктор.

Вивиан покачал головой.

– В другой раз. Сейчас можно пойти в хороший клуб. Или вы предпочитаете скромный

бар?

– А почему бы нам не прокатиться за городом?

– Ну что же. Прокатимся, и с ветерком.

Когда городские огни остались позади, Вивиан прибавил скорость. Адам, который не любил быструю езду, напрягся и сел прямо.

– Не волнуйтесь, – успокоил его доктор Мори. – Я осторожный водитель.

– По правде говоря, я не любитель поездок.

– Но вы сами предложили покатиться.

– Мне хотелось свободы от людей.

Вивиан понимающе кивнул. Прямая дорога постепенно превратилась в серпантин, и они начали подниматься в гору.

– Знаете, Адам, я задал вам этот вопрос не только потому, что хотел услышать ответ – хотя, конечно, и это тоже – но и потому, что хотел понаблюдать за вашей реакцией. Вы боитесь своих реакций.

– Так я заинтересовал вас как психоаналитика?

– Скорее нет, чем да. Вы заинтересовали меня как человека. В вас есть что-то странное. Неправильное. Нелогичное.

– То же самое я могу сказать и о вас.

Доктор Мори неопределенно хмыкнул, не отрываясь от дороги.

– И что же во мне странного? Мой стиль в одежде? Мое отношение к жизни? История про Париж, которая не дает вам покоя?

– Вы – из тех людей, к которым не хочется приближаться, но рано или поздно приближаешься. Что-то...

– Порочное? – предположил Вивиан. Это было сказано будничным тоном – так, будто он слышал подобное от каждого встречного. – Что же вас удивляет, Адам? Порок притягателен. Это темная комната с зеркалами. Вы не представляете, что можете там найти. А добродетель – это освещенная солнцем комната, где все лежит на местах, нет ни шкафов, ни комодов. Все на виду. – Он бросил взгляд в зеркало заднего вида. – Люди, которых притягивает порок, делятся на две группы. Первым пороки помогают открыть новые грани реальности. А вторым – убежать от себя.

– К какой группе вы относите себя?

– Ко второй.

Доктор Мори свернул на обочину и остановил машину.

– Подышим свежим воздухом, – предложил он. – С вершины горы прекрасный вид на город, а небо здесь восхитительное.

Адам вышел из машины и, подойдя к обрыву, посмотрел на город. Вид отсюда открывался такой, что захватывало дух. В полном смысле этого слова – он побаивался высоты.

– В жизни каждого из нас, – продолжил свою мысль доктор Мори, – есть что-то, с чем мы вынуждены мириться. Иногда это привычка, от которой мы не хотим избавляться. Иногда – страсть. Иногда – надоедливые мысли. А иногда это боль. Время от времени вы словно состоите из боли. И думаете только об одном – умереть и больше ничего не чувствовать.

Адам безмолвно покачал головой. Вивиан присел на капот и тоже посмотрел на город. Он прижал ладонь к груди и погладил шелк рубашки.

– Мой добрый приятель, – сказал он так же буднично, как несколько минут назад охарактеризовал свою сущность. – По самым оптимистичным прогнозам, мы проведем вместе еще около двух лет.

– Вы поэтому курите опиум?

– Удачно подобранная доза – разум остается трезвым, привыкания не вызывает, если не злоупотреблять, но помогает расслабиться.

– Она не операбельна?

– Вы бы согласились пройти все круги Ада, зная, что через пару-тройку лет вам придется сделать это снова?

Адам положил руки в карманы и отошел от обрыва.

– Вы не боитесь смерти, доктор?

– Я боюсь прожить бессмысленную жизнь.

В ночной тишине было слышно стрекотание сверчков.

– Скажите, а Афродита... что она думает по этому поводу? –заговорил Адам.

– Она придерживается вашей точки зрения. Она делилась со мной впечатлениями по поводу семинара. Ей понравилось, и она с нетерпением ждет следующих занятий.

– У вас странные отношения.

Вивиан закурил и закинул голову назад – то ли для того, чтобы расслабить шею, то ли для того, чтобы посмотреть на звезды.

– Нас это устраивает.

– Вас устраивает тот факт, что вы – чужие люди, хотя живете под одной крышей?

– Мы перестали быть чужими людьми еще до того, как она переехала ко мне. На ее глазах застрелили мужа, она упала в обморок прямо посреди улицы. Я возвращался домой ночью, пешком, и нашел ее. Ни один сукин сын не подумал остановить машину, мне пришлось нести ее до больницы на руках. К тому времени было глупо надеяться на то, что ребенок выживет. Выкидыш на пятом месяце – это смертный приговор. – Он поправил шарф, укутывая шею. – Три дня она была без сознания, потом три дня бредила и не понимала, что происходит вокруг. Я не отходил от ее кровати, почти не спал. Мое лицо было первым, что она увидела, придя в себя.

Адам снова кивнул.

– У нее было нарушение сна, она слишком долго принимала снотворное вместе с амфетаминами, по ночам мы сидели в палате и разговаривали. А после того, как она выписалась из больницы, я предложил ей переехать ко мне. Она обещала подумать, мы обменялись телефонами. Три месяца я не слышал от нее ни слова, а потом она позвонила и сказала: «Мне не надо помогать с вещами. Я справлюсь сама». Она самостоятельная девушка. Я бы сказал, что она за мной присматривает.

– Невеселая история, – резюмировал Адам.

– Прошу прощения, если испортил вам настроение. Иногда людям хочется поделиться чем-то личным.

– Я рад, что вы мне доверяете, доктор.

– Славно. Похоже, вы любите невеселые истории? Значит, повествование о Париже придется вам по душе.

Вивиан убрал волосы со лба, и Адам заметил на внутренней стороне его руки, чуть выше запястья, небольшую татуировку скорпиона. Доктор Мори, поймав его взгляд, легко улыбнулся и кивнул.

– Так выглядит моя жизнь. Что бы я ни делал, я кусаю себя за хвост.

Глава пятая

– Сегодня здесь шумновато.

– В честь того, что твоя жена разрешила тебе провести вечер вне дома.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что я подкаблучник?

Заказанная около часа назад бутылка коньяка почти не опустела, а сидевший напротив Адама Джеральд Гентингтон пребывал в дурном расположении духа. Это могло означать две вещи: либо работа над новым романом идет не так, как надо, либо он недостаточно выпил. Адам знал Джеральда уже не один год, и ему было хорошо известно, что настроение его друга неразрывно связано с этими двумя вещами. Когда Джеральд мог работать, он не приближался к спиртному на расстояние пушечного выстрела. Когда он не мог работать, спиртное помогало ему настроиться на нужный лад. Или забыть о творческом кризисе.

– Что ты, что ты, – заговорил Адам, не скрывая иронии. – Твоя жена построит полк солдат, не моргнув и глазом. Но кто она такая, чтобы управлять твоей жизнью?

– Сегодня моя жена работает в ночную смену, – в тон ему ответил Джеральд. – Я могу позволить себе провести вечер так, как хочу, и не выслушивать ее наставления. Кстати, если бы не ты, я сидел бы дома и работал.

– Да, что ни говори, тебе было бы спокойнее. – Адам посмотрел на часы. – Стив опаздывает на десять минут. А еще называет себя профессионалом.

Джеральд допил остатки коньяка и поставил рюмку на стол.

– Я говорил тебе, что Вивиан – мой психоаналитик?

– Впервые об этом слышу. И что ты о нем думаешь?

– Впечатляющий персонаж.

Официантка взяла со стола пепельницу и заменила ее чистой, после чего удалилась, поставив рядом с бутылкой очередное блюдо с лимонами и вазочку с большими маслинами без косточек.

– Ты решил, что он впечатляющий персонаж потому, что он – твой психоаналитик?

– Не язви, Адам. Ты видел, какие у него глаза? В нем есть что-то не от мира сего. Я уже не говорю о том, как он проводит свободное время. Все нормальные врачи читают книги, а он расхаживает по ночным клубам. А потом надевает белый халат и превращается в доброго доктора.

Адам в очередной раз наполнил рюмки.

– Прямо оборотень, а не доктор, – сказал он, не меняя ироничного тона.

– А эта его Афродита – еще та штучка. Успевает все – и учиться, и играть, и ходить по салонам красоты, и покупать шмотки от кутюр, и крутить три романа одновременно, и разгуливать по закрытым вечеринкам.

– Как ты думаешь, почему они до сих пор не женаты?

Джеральд, который сделал глоток коньяка, прижал ладонь к губам, чтобы не смеяться вслух.

– А зачем им это? По-моему, их обоих устраивает положение дел. Занимаются тем, чем хотят, спят, с кем хотят – а когда спать не с кем, то друг с другом. Или ты за законный секс? Не думаю, что это прибавит ему пикантности.

– Что ни говори, странно все это.

– Ты еще не привык к тому, что в э том городе все вверх тормашками? – Джеральд

повернулся к лестнице. – А вот и мисс Я Все Успеваю. Легка на помине.

Сегодня на Афродите Вайс было белое шелковое платье, которое подошло бы, скорее, для интимного вечера тет-а-тет, чем для выхода в свет: едва прикрывающая бедра юбка, открытая спина и длинный рукав, который платью скромности не прибавлял. Она потрепала волосы и, оглядев сидевших, салютовала им бокалом с шампанским.

– Адам Фельдман и Джеральд Гентингтон, – констатировала она. – Вы сидите в зоне для особо важных персон и не спускаетесь в зал потому, что не любите танцевать, или прячетесь от поклонниц?

– Мы ждем знакомого, – сказал Адам.

– Вивиан просил передать вам привет, если я вас встречу. Он сказал, что в прошлый раз вы хорошо провели время. Надеюсь, он не имел в виду ничего серьезного, и мне не стоит обижаться на то, что вы меня не позвали?

– Мы прокатились за городом и подышали воздухом.

Афродита переложила бокал в другую руку.

– Ах, чисто мужские разговоры? Ему этого не хватает. – Она посмотрела на Джеральда. – Как поживает ваша жена? Надеюсь, она хотя бы иногда отдыхает? Или так же, как Вивиан, работает по семнадцать часов в сутки? Ох уж эти врачи.

– После того, как она получила должность руководителя кардиологического отделения, свободного времени у нее не прибавилось.

– Надеюсь, на субботу ни у кого из вас нет особо важных планов, джентльмены? Нас с Вивианом пригласили на бал-маскарад, я буду рада вас видеть.

Адам жестом пригласил ее присесть.

– Составьте нам компанию, – предложил он. – Я вижу, вы пришли в одиночестве.

Она с улыбкой покачала головой.

– Вечер только начался, господин Фельдман. Я пришла в одиночестве, но все может измениться.

– Ваш... мужчина решил остаться дома?

Афродита подняла глаза к потолку.

– Да, – ответила она после короткой паузы. – Он не очень хорошо себя чувствует. Если вам станет скучно, вы сможете найти меня внизу.

Она сделала книксен, который, несмотря на неподходящее платье и высокие каблуки, вышел изящным, и направилась к лестнице.

– Хочешь поразвлечься? – предложил Адам, кивнув в сторону уходящей Афродиты. – Не думаю, что тебе будет интересен наш со Стивом разговор.

– Нет, спасибо. Кокаин я уже давно не нюхаю, и «траву» не курю. Проверю, нет ли там кого-нибудь из знакомых. – Джеральд поднялся и жестом пригласил подошедшего к столу мужчину занять свое место. – Добрый вечер, господин Адамс.

Стивен Адамс, криминальный адвокат, недавно начавший свою практику, через неделю должен был отпраздновать свой тридцатый день рождения. Они с Адамом познакомились три года назад, когда последний собирал материал для очередной книги. Город говорил о двух убийствах, и все обсуждали судебный процесс, на котором Стивен выступал в качестве защитника.

Молодой адвокат смотрелся комично – такой вывод сделало большинство участников, включая зрителей и присяжных. К тому времени обстановка накалилась, все были на стороне семей убитых, а судьям не терпелось вынести обвинительный приговор. Прокурор

не слишком напрягался, так как тоже был уверен в своей правоте. Но адвокату каким-то непостижимым образом удалось на первом заседании поколебать всеобщую уверенность в виновности своих подзащитных. На втором заседании судьям и присяжным только и оставалось, что вынести оправдательный приговор, а полиция начала очередное расследование – все это время истинный убийца гулял на свободе.

Адам не страдал болезненным чувством справедливости, и его не волновал вопрос, что именно произошло: обвиняемые на самом деле ничего не совершали или же то был провернутый адвокатом трюк. Он был уверен в одном: знакомство он завел полезное.

– Во что ты вляпался?

Стивен, как всегда, сразу же заговорил о деле. Он сел на место Джеральда, повесил на спинку стула плащ и взял пустую рюмку, которую официантка поставила напротив него.

– Ты же знаешь, что ничего страшного не произошло.

– Никогда не помешает уточнить.

Адам взял еще несколько маслин и предложил другу угощаться. Стивен поморщился – маслины он не любил. Зато с удовольствием выпил рюмку коньяка и сразу же наполнил ее снова.

– Вивиан Мори, внебрачный сын немецкого миллиардера-аристократа и француженки-врача. Отец оставил ему приличное наследство. Часть наследства лежит в швейцарском банке, вторая часть – в нашем городском банке. Шестизначная сумма. Доктор живет хорошо, но не любит тратить деньги впустую. С отличием окончил университет Сорбонны, проходил практику у известного парижского психиатра. Будучи студентом, принимал активное участие в общественной жизни университета. Занимался танцами и даже преподавал. Был душой коллектива, но вместе с тем человеком себе на уме и мог выкинуть какую-нибудь странность. У него было несколько друзей, с которыми он близко общался. Они раз в месяц устраивали вечеринки для узкого круга. И во время вечеринок вытворяли вещи, о которых не принято говорить вслух.

– Ходили на кладбище и выкапывали трупы для того, чтобы их вскрывать?

Стивен взял рюмку и сделал пару глотков.

– Не думал, что у писателей так худо с фантазией, – сказал он. – Студенты-медики тоже умеют развлекаться. Причем делают это так, что завидуют все.

– Хорошо. А теперь расскажи мне что-то, чего я не знаю.

– Ты, похоже, уже неплохо осведомлен? Кстати, мы знакомы. Как-то он помогал мне проводить психологическую экспертизу. Не знаю, чем они занимались на студенческих вечеринках, но в работе он профессионал. Да и в общении приятный парень.

– А что это за история про Париж?

Стивен достал газетную вырезку из папки, которую принес с собой, и выложил ее на стол.

– Ты умеешь читать по-французски? – спросил он.

– Увы, нет.

– Это статья о пациентке доктора, которая покончила с собой.

Адам поднял бровь.

– Треть пациентов психоаналитиков кончают жизнь самоубийством. Или то был необычный случай?

– Депрессия. Если хочешь узнать детали, расспроси доктора. Ах да. У них был роман.

– Не заметил в нем стремления сблизиться с пациентками.

Стивен вернул статью в папку.

– Говорю же. Расспроси доктора.

Адам подвинул к себе блюдо с лимоном.

– А что насчет его «гражданской жены»?

– Афродита – ее настоящее имя. Вайс – фамилия матери. Когда ей исполнилось семь, родители оставили город, и она переехала к дяде с тетей. Жилось ей там не лучше, чем дома – разве что дядя с тетей жили мирно, никто не пил и никто никого не бил. Денег у них не было, работал только дядя, тетя сидела дома с детьми. Она была профессиональной швеей, что было на руку, потому что они не могли себе позволить покупать одежду. Афродита донашивала вещи двоюродных братьев и сестер, иногда тетя шила ей платья. Зимой с теплыми вещами было туго, она ходила в легких пальто и никогда не носила нормальной обуви. Девочкой она была нервной и болезненной, мечтала о хорошей жизни, о том, что у нее будет много красивых платьев и денег. И что когда-нибудь она встретит прекрасного принца. В пятнадцать она его встретила. Денег у принца было много, а еще больше – проблем, потому что он был одним из сыновей криминального авторитета. Они встречались три года, в семнадцать Афродита переехала к нему. В восемнадцать вышла за него замуж, к тому времени была на третьем месяце беременности. А через два месяца, когда они возвращались домой с какой-то вечеринки, его застрелили у нее на глазах. Ей стало плохо, она хлопнулась в обморок. И по счастливой случайности мимо проходил доктор Мори.

– Занимательно.

– Отношения у них забавные. Как ты знаешь, они живут вместе. Редко появляются на людях как пара. Вивин оплачивает ее учебу в университете. Она тратит его деньги. Регулярно они ссорятся – точнее, она собирает вещи и уходит, но потом возвращается. Что между ними происходит на самом деле – не знает никто.

Адам ответил на предложение подошедшей официантки принести еще коньяка отказом. Стивен взял плащ и поднялся.

– Мне пора бежать. Надеюсь, мой ответ тебя удовлетворил?

– Если не думать о том, что у меня появилась еще куча вопросов.

– Советую задать эти вопросы доктору. Но до этого подумай еще разок, на самом ли деле тебе это нужно.

Глава шестая

На город спускалась ночь, и в квартире было сумеречно, но Афродита не торопилась включать свет в ванной. Она стояла в полумраке перед зеркалом и расчесывала волосы, сосредоточившись на своих мыслях. Появившийся за спиной Вивиан показался ей привидением.

– Господи, ты меня напугал! Подкрадываешься, да еще и в темноте!

– Я хотел включить свет, но передумал. Решил, что после вчерашнего у тебя болит голова.

– После вчерашнего? О чем ты?

– Ты не ночевала дома, вечер, наверное, у тебя выдался замечательный.

Вивиан подошел к ней и присел на высокий стул рядом с ванной.

– Я нигде не ночевала, – ответила Афродита, снова взяв щетку для волос. – Я пришла домой около семи. Ты спал.

– Ты уже второй раз за месяц приходишь домой под утро.

– Ты тоже два раза за месяц не ночевал дома.

– Только один раз. Во второй раз я был на работе.

Она передернула плечами, не отвлекаясь от своего занятия.

– Мне кажется, в последнее время мы слишком часто обсуждаем эту тему, – снова заговорил Вивиан. – Ты помнишь, о чем мы договаривались?

– Не больше одной ночи в месяц. Но ты на этот раз позволил себе...

– Не знаю, как насчет твоих любовников, но пациенты не могут сказать «сегодня у меня не будет сердечного приступа» или «сегодня я не попаду в аварию», и удивляют в самый неподходящий момент. И порой чаще, чем два раза в месяц.

Афродита положила щетку возле зеркала и посмотрела на него.

– Ты, в отличие от меня, можешь совмещать приятное с полезным. Большинство твоих любовниц могут подождать, пока ты разберешься с пациентами. Вы работаете вместе.

– Так как ты провела вчерашний вечер?

– Опрокинула пару рюмок в клубе, поехала домой к одной из подруг, мы пошли в другой клуб... и там сидели до утра. Я видела твоего Адама. Он был в компании Джеральда Гентингтона, а потом Джеральд ушел, и к нему подсел Стивен Адамс.

– Адвокат?

Афродита кивнула и принялась заплетать волосы в косу.

– Они так мило шептались целых полчаса.

Вивиан поднялся и подошел к ней. Афродита сморщила нос.

– От тебя пахнет женщиной, – уведомила его она.

– Тебе это не нравится?

– Слишком сложный вопрос, чтобы ответить на него в двух слова.

– Я пошел спать в восемь вечера и проснулся недавно. Наверное, в моей кровати побывала таинственная незнакомка?

– Зная тебя, предположить можно все.

– Незнакомка позволила себе зайти в мой кабинет, порыться в ящиках письменного стола и забрать то, что ей не принадлежит.

Афродита улыбнулась и, бросив взгляд в зеркало, провела рукой по волосам.

– Что взяла незнакомка? Твою любимую закладку с золотистой кисточкой? Паркер? Или негодяйка стащила карандаш, которым ты подчеркиваешь цитаты в книгах?

– Верни то, что ты взяла, Дита.

Она понимающе кивнула и направилась в сторону кухни.

Вивиан наблюдал за тем, как она включает чайник, достает из шкафа кофейную чашку и открывает холодильник в поисках чего-то, что могло бы стать подходящим для позднего завтрака.

– Ты будешь молчать? – спросил он. – Или ответишь?

– Мне надоело смотреть на то, как ты убиваешь себя этой гадостью.

– Ты хочешь посмотреть на то, как я умираю без этой гадости?

– Без нее ты не будешь умирать медленнее.

Афродита взяла нож и разрежала извлеченное из холодильника яблоко на две части.

– Хочешь? – предложила она. – В красных яблоках много витаминов. Но только если есть с кожурой.

Вивиан присел у стола и закурил, подвинув к себе пепельницу. Афродита вернула одну из половинок яблока в холодильник, а вторую разрежала на две части и принялась вынимать сердцевину.

– Какое у тебя давление? – спросила она.

– Не стоит интересоваться чем-то только из вежливости.

– Ты не хочешь поехать в больницу? Они поставят тебе капельницу...

– Я не собираюсь никуда ехать. Я хочу, чтобы ты вернула мне чертов пластырь! Сейчас же!

Афродита, уже взявшая было вскипевший чайник, поставила его на место.

– Я так больше не могу, – сказала она. – Ты говоришь, что мы мало времени проводим вместе. Упрекаешь меня в том, что я не ночую дома. Но когда я говорю, что тебе нужно пойти к врачу, ты не собираешься этого делать! Когда-то ты говорил мне, что человеческая жизнь – это самое дорогое, что только может существовать. И что за нее надо бороться всеми силами. А что я должна думать теперь? Ты хочешь, чтобы я продолжала быть дурой и делать вид, что ничего не замечаю? С утра уходить на учебу, потом ехать на съемки, по вечерам гулять по клубам и не обращать внимания на то, что происходит? Тебя убьет не рак, а опиумный пластырь, без которого ты не можешь жить!

Вивиан подошел к ней и взял со стола одну из четвертинок яблока.

– Иногда, – продолжила Афродита, – мне начинает казаться, что этот пластырь для тебя важнее, чем я.

– Иногда, – в тон ей ответил Вивиан, – мне хочется, чтобы ты почувствовала мою боль. Всего лишь на минуту. И тогда ты все поймешь.

– Когда было больно мне, рядом был ты. И я решила, что мне стоит жить. А теперь рядом с тобой есть я, но тебя это не волнует.

Он протянул руку и погладил ее по волосам.

– Порой я думаю, что жизнь для тебя – это кино. И ты каждую минуту играешь сцену.

– Порой мне кажется, что вся моя жизнь – это один большой фильм. И я думаю – это на самом деле происходит со мной? На самом ли деле человек, который для меня не просто любовник, пропускает мимо ушей мои слова?

Вивиан поднял ее голову за подбородок, и Афродита, поморщившись, попыталась освободиться.

– Если этот кто-то так важен для тебя, почему ты заставляешь его страдать?

– Мне больно, Вивиан.

– Это хорошо. Иногда в нашей жизни бывают моменты, когда чувствовать боль полезно.

Это на один маленький шаг приближает нас к осознанию того, что больно бывает не только нам. Подумай о том, что та боль, которую чувствую я, в миллион раз сильнее той боли, которую чувствуешь ты. Может, тебе плохо со мной, Дита? Я даю тебе мало денег? У тебя мало одежды, косметики, обуви? Тебе не нравится твоя машина? А если все это тебя устраивает, то чего тебе не хватает? Может, секса? Не думаю. Его ты в избытке получаешь от других.

Афродита отошла на пару шагов и занялась приготовлением кофе.

– Мне не хватает счастья. Но вряд ли человек, который делает себя несчастным, сможет помочь.

– Ты права. Но я не обещал тебе счастья. И тебя это устраивает. Иначе бы ты тут не задержалась.

Афродита поставила чашку на стол.

– Я не хочу с тобой ссориться, Вивиан, – сказала она. – Сейчас тебе лучше побыть одному. Я не буду нарушать твой покой.

Адам вот уже минут пять изучал дверь квартиры, на которой значился номер «16», а чуть ниже располагалась табличка с именем жильца: «Вивиан Мори», но стучать или звонить не торопился.

Добрый вечер, доктор. Не могли бы вы рассказать о вашей пациентке, которая покончила с собой?

Дождь, который начался пару часов назад, теперь лил как из ведра, и, несмотря на плащ и зонт, Адам промок до нитки. Плащ он держал в руке и переминался с ноги на ногу, напоминая нерешительного кавалера у дверей возлюбленной. И мог бы простоять так еще не пять и не десять минут, если бы дверь не открылась, и на пороге не появилась бы Афродита Вайс.

– Господин Фельдман! Вы, наверное, к Вивиану. Если ко мне, то я уйду.

– На улице ливень и ураган. Такая ночь не подходит для прогулок под луной.

Афродита сделала шаг вперед, и Адам посторонился, пропуская ее.

– Не волнуйтесь, господин Фельдман, я не буду много гулять. У меня есть дела поважнее.

И она направилась к дверям лифта, поправив на плече дорожную сумку.

Адам вошел в прихожую и огляделся. Квартира доктора Мори была довольно скромной для человека с его достатком. Прихожая переходила в узкий коридор, который, в свою очередь, вел в гостиную. Через гостиную можно было пройти в кухню, а справа Адам заметил лестницу – на втором этаже располагались жилые помещения, мало интересующие гостей.

Доктор Мори сидел в одном из кресел напротив приоткрытого окна. Выглядел он совсем не таким, каким Адам привык его видеть: бледный, в расстегнутой рубашке, с пусть и не растрепанными, но не аккуратно уложенными волосами. Гостей Вивиан явно не ждал, и Адам почувствовал себя неудобно.

– Вам не спится, господин Фельдман? – заговорил хозяин квартиры.

– Да... можно сказать и так. Но я, похоже, пришел не вовремя.

– Вы правы.

Адам в нерешительности замер посреди комнаты, не зная, что ему следует делать, и что он может сказать.

– Вы плохо себя чувствуете? – спросил он осторожно. – Может... вы хотите воды?

– В правом верхнем ящике моего письменного стола есть шкатулка из черного дерева. Принесите ее, пожалуйста. Кабинет там.

И Вивиан чуть заметно кивнул в нужном направлении.

Адам включил настольную лампу и открыл указанный ящик. Он приподнял бумаги и папки, выложил на стол несколько книг и нашел то, что искал. На крышке шкатулки был вырезан герб университета Сорбонны, а чуть ниже можно было прочитать дарственную надпись: «Вивиану Мори. В благодарность за вашу дружбу». Он осторожно взял шкатулку – так, будто в ней лежали сокровища – и вернулся в гостиную.

– Прошу вас, доктор, – сказал он.

– Откройте, будьте добры.

В шкатулке обнаружили три ампулы с желтоватой жидкостью, несколько одноразовых шприцов, пара кусочков ваты и флакон с прозрачным содержимым. Адам недоуменно посмотрел на Вивиана.

– Что это? – спросил он.

– А я-то думал, что вы учили латынь в вашем университете, господин Фельдман.

– Вы хотите, чтобы я сделал вам укол?...

Лекции по латыни Адам помнил смутно, но слово *Morphinum*, написанное на этикетке одной из ампул, было интернациональным. Вивиан поднял руку и поднес ее к лицу гостя – у него дрожали пальцы.

– Не думаю, что я в состоянии сделать себе укол сам. Вы ломаете ампулу, набираете в шприц лекарство, выпускаете из шприца воздух. Раствор готовить не нужно – лекарство уже разбавлено. Берете нашатырный спирт – в этом флаконе – и вату. Дезинфицируете и делаете укол.

– Я не думаю, что это хорошая идея, доктор. Я сделаю вам больно.

– Пусть это вас не тревожит.

Адам набрал морфий в шприц и взял пропитанную нашатырным спиртом вату. Доктор Мори кивнул.

– Вы отлично справляетесь.

– Если честно, я до смерти боюсь уколов.

– Я не прошу вас делать укол самому себе. Не будьте идиотом.

Адам глубоко вздохнул, заставив себя не закрывать глаза, и сделал укол. Кожа поддалась легко, и через пару секунд шприц уже пуст. Он приложил вату на место укола и достал иглу. Доктор Мори в очередной раз кивнул – на этот раз, одобряюще – и положил голову на спинку кресла.

– Боевое крещение вы прошли успешно – когда я делал укол в первый раз, то нашел вену с третьей попытки. Оставьте меня на несколько минут.

Адам вернулся в кабинет. При более ярком, чем свет настольной лампы, свете комнату можно было разглядеть лучше. Сначала она показалась гостю большой, но теперь он видел, что это не так. Кабинет был предназначен только для работы – здесь не было ничего, кроме книжных шкафов, письменного стола и трех кресел: одно принадлежало хозяину квартиры, а

два других находились с другой стороны стола и предназначались для посетителей, которые, судя по всему, были именно гостями, а не пациентами. По крайней мере, так подумал Адам: комната не выглядела кабинетом психоаналитика, с какой стороны ни посмотри.

«Книжная» часть кабинета удивляла контрастом с «рабочей» частью. Если на письменном столе, освещенном лампой с зеленым абажуром, царил беспорядок – открытые книги, блокнот с выписками, несколько запечатанных писем, пустые конверты, открытки, нож для бумаг, наполовину полная пепельница и большой словарь с медицинскими терминами и множеством разноцветных закладок, то книжные полки являли собой идеал порядка. Книги были расставлены по сериям и по цвету обложек, и, как заметил Адам, приблизившись, в алфавитном порядке. Тут был и каталог со списком книг, каждая из которых была пронумерована. Библиотеке доктора Мори позавидовал бы страстный коллекционер – Адам нашел несколько редких экземпляров, которые в свое время отчаялся достать.

– Вы гармонично смотрите на фоне книг.

Вивиан поставил на него бутылку коньяка, подошел к небольшому шкафу и достал оттуда две рюмки. Он успел причесаться и привести себя в порядок, но до сих был бледен и, как показалось Адаму, нетвердо стоял на ногах.

– Вам уже лучше, доктор?

– Да. Если я сказал что-то лишнее, прошу прощения.

– Все в порядке. Просто я за вас волновался.

Вивиан открыл коньяк.

– Сегодня вина мне не хочется, и, думаю, я могу позволить себе рюмку чего-нибудь покрепче. А заодно выполнить свое обещание. Присаживайтесь.

Адам сел в кресло у стола.

– У вас замечательная библиотека, – заметил он. – Мечта букиниста.

– Я долго собирал ее. Кстати, у меня есть для вас подарок.

Доктор Мори подошел к книжным полкам и принялся изучать корешки, чуть наклонив голову.

– Ах, вот, – заговорил он и достал одну из книг. – Афродита сказала, что вы искали эту книгу. Она теперь ваша.

Под вытесненным золотым на черном фоне названием «Мирквуд» был изображен женский силуэт. На титульном листе Адам прочел дарственную надпись: «Скромные подарки иногда многое для нас значат». Дальше доктор поставил свои инициалы, за которыми следовала аббревиатура M.D.

– Большое спасибо, – поблагодарил Адам. – Я нашел книгу в городской библиотеке, но она была такой старой, что я не хотел брать ее в руки.

– В этом я с вами солидарен. – Вивиан взял вторую рюмку. – Ваше здоровье, мой друг. И еще раз спасибо за то, что пришли. Господин Адамс рассказал вам историю про Париж? Думаю, нет, иначе бы вас тут не было.

Адам, который хотел сделать очередной глоток коньяка, вернул рюмку на стол.

– Я понял. Госпожа Вайс. Мы видели ее в клубе.

Вивиан занял второе кресло, проигнорировав реплику собеседника.

– Я даже не знаю, с чего начать, доктор, – неуверенно заговорил Адам. – Если честно, я не очень уютно чувствую себя со всем этим...

– Но, тем не менее, вам любопытно. Никогда не понимал, почему люди чувствуют себя

неуютно, если им хочется что-то сделать. Вы снимаете маску, а не натягиваете ее, Адам. Это освобождает, а не сковывает.

Адам поджал губы. Доктор Мори достал из кармана брюк портсигар и закурил.

– Угощайтесь, – предложил он.

– Нет, благодарю. Я покурю свои.

– Вы так упрямо отказываетесь от того, чтобы получать удовольствие от жизни в чьем-то присутствии. Это меня забавляет. – Вивиан протянул Адаму зажигалку. – Леди, о которой вам рассказывал господин Адамс, звали Беатрис Фабре. И, как вы уже знаете, она была моей пациенткой. Она приходила три раза в неделю на протяжении двух месяцев. Она много рассказывала. А я слушал, слушал, слушал... и влюбился в свою пациентку, господин Фельдман.

Адам потушил недокуренную сигарету и снова наполнил опустевшие рюмки. Доктор Мори благодарно кивнул.

– Разумеется, она ответила мне взаимностью. К тому времени я уже знал, что это, по меньшей мере, нелогично – когда женщина говорит мне «нет». Но тогда меня это не заботило. Я был счастлив. Это чувство... будто что-то внутри раньше было неполным, а теперь стало абсолютным. Вы просыпаетесь с утра с мыслью о том, что вам есть, ради кого жить. Вот так было и у меня. Недолго.

Вивиан взял рюмку, но не торопился делать глоток. Он посмотрел в окно, за которым лил дождь.

– В какой-то момент, – продолжил он, – я будто... как бы это? Потерял контакт с реальностью. Я видел, что она счастлива, и мне казалось, что все хорошо. Что она больше не будет говорить «знаете, доктор, я вчера думала – а зачем мне жить?». И... я что-то упустил. Какую-то перемену в ее состоянии. В тот вечер я возвращался домой от университетских друзей. У одного из них был день рождения, и мы решили справить его в тесной компании. Виновник торжества решил сделать нам сюрприз и подарил каждому по шкатулке, которую вы видели у меня. Когда я вышел от него, лил дождь, но я решил прогуляться – до моего дома было несколько кварталов. В кармане у меня лежало обручальное кольцо, в тот вечер я хотел сделать Беатрис предложение. Я пришел домой, открыл дверь своим ключом и увидел включенный в ванной свет. Удивился – почему она пришла раньше меня? На часах было начало одиннадцатого, а она работала танцовщицей в ночном клубе и приходила домой около часа ночи. Я постучал в дверь ванной, но ответом мне была тишина. Оказалось, что дверь открыта. А дальше вы знаете.

Адам кивнул, не поднимая глаз.

– Тогда я подумал – мне это снится. Я проснусь, и я могу потерять все деньги, мой дом может сгореть, меня могут уволить с работы, но она проснется рядом и скажет: «Почему вы просыпаетесь позже меня, доктор? И почему вы до сих пор не готовы к утреннему сеансу психоанализа?», подразумевая совсем не психоанализ. Я стоял в дверях ванной, пытаюсь осознать, что произошло. Я мог ей помочь, нужно было проверить, дышит ли она, попытаться нащупать пульс, сделать хотя бы что-нибудь. Но я этого не сделал. Я повернулся и вышел из квартиры. Я до сих пор вижу это будто со стороны: ночь, мокрый асфальт, ветер, дождь прямо в лицо... а я иду черт знает куда только для того, чтобы идти и не останавливаться. Прихожу на вокзал. Покупаю билет. Сажусь на поезд. И еду туда, куда глаза глядят. Выхожу на случайной станции. Там тоже ночь, правда, нет дождя, хотя довольно прохладно, и я начинаю замерзать, потому что надел плащ, но шарфа не взял. Ухожу с

вокзала. Брожу по городу без цели. Час, может, два. В какой-то момент меня уже не держат ноги, и я отправляюсь на поиски отеля. Нахожу отель, снимаю номер. Ложусь спать. Просыпаюсь около полудня и снова пытаюсь осмыслить то, что случилось. И понимаю, что вряд ли получится. – Вивиан закурил в очередной раз. – Вот так я оказался в этом городе, Адам. И все, что у меня было с собой – эта шкатулка и фотография. Беатрис любила фотографировать, купила зеркальный фотоаппарат и сделала несколько снимков. На одном из этих снимков – я, у себя дома. Она отпечатала эту фотографию, а потом прислала мне. Она любила посылать письма по обычной почте. Вы видели эту фотографию на моем письменном столе в больнице. Та, где я с бокалом вина у камина.

Вивиан поднялся, подошел к окну и посмотрел на небо.

– Дождь льет и льет, – сказал он. – Надеюсь, Дита не гуляет по улице.

– Она сказала, что идет по делам.

– Мы повздорили. Мне следовало попросить прощения.

– Вы ее... любите?

Доктор Мори снова занял свое кресло.

– Любовь делает людей эгоистами, Адам. Они хотят, чтобы объект их страсти принадлежал только им. Но в этой жизни нет ни одной вещи, которая бы нам принадлежала. И уж тем более человека, который бы нам принадлежал. Когда мы уйдем отсюда, когда кто-то наверху решит, что мы отжили жалкие несколько десятков лет, с собой мы ничего не возьмем. Так зачем желать чего-то постоянного? Зачем привязываться к одной женщине или к одному мужчине? И, самое главное, зачем требовать привязанности в ответ?

– Да, но вы четыре года живете под одной крышей и спите в одной постели. Только потому, что у вас бывает головокружительный секс?

– А если я скажу вам, что нам нравится делать друг друга несчастными, что вы ответите?

Некоторое время Адам молчал, разглядывая янтарную жидкость в бутылке.

– Вы говорите, что я боюсь делать то, что мне нравится, доктор, – произнес он. – А вы боитесь говорить себе правду.

– В ваших словах есть рациональное звено, мой друг. Но эта правда не сделает меня счастливым. Помните? Я всегда кусаю себя за хвост.

– Вы до сих пор думаете о том, что произошло тогда в Париже. И чувствуете себя виноватым.

– Вы правы.

Адам задумчиво потрепал волосы ладонью и не нашелся с ответом. Доктор Мори посмотрел на него и улыбнулся.

– Давайте поговорим о хорошем. Вы пойдете на бал?

– Да. В последнее время я редко выходил из дома. Но теперь книга закончена, я могу позволить себе развеяться.

– Дита уже замучила меня с вопросами, что бы ей такого надеть. Кстати, вы знаете, что она начала работать над сценарием? Пока что это не ее сценарий, она переделывает роман. Но, думаю, придет очередь и ее личного творчества.

Адам поднял на него глаза.

– Впервые слышу об этом.

– Ну, тогда она сама расскажет вам подробности. И о сценарии, и о самом фильме.

– Вы заинтриговали меня, доктор.

– Это и было моей целью. – Вивиан поднял рюмку. – За новые начинания, мой друг. И за то, чтобы мы чаще прислушивались к нашим желаниям.

Глава седьмая

– Вот документы, доктор. Обход закончен, больные получили лекарства...

– Пациенты, а не больные.

Медсестра прижала к груди папку и посмотрела на Вивиана, сидевшего за столом дежурного врача. Он поднял на нее глаза.

– Да, Мари. Пациенты, а не больные.

– Простите. Я помню... вам нужно помочь с бумагами, или вы справитесь сами?

Молодой врач, занимавший кресло в углу кабинета, недвусмысленно кашлянул, напоминая о своем присутствии, и Мари бросила на него испуганный взгляд.

– Доктор Кросс... я вас не заметила.

– Да уж, я очень незаметный, – проворчал он. – А мне с бумагами вы не хотите помочь? Или это особая услуга для доктора Мори? Нужно проработать тут определенное количество времени для того, чтобы мне предлагали помощь?

– Ну почему же, – потупилась медсестра. – Я с радостью помогу вам... с бумагами.

– Вы свободны, Мари, – вышел из положения Вивиан. – Доктор Миллер придет минут через сорок, и я тоже отправлюсь домой.

Она с готовностью закивала и, положив документы на стол, оставила кабинет.

Вивиан снова взял медицинский журнал и углубился в чтение научной статьи. Молодой врач отложил книгу, которую держал в руках.

– Они могут не делать этого хотя бы в моем присутствии? – спросил он.

– Это вопрос не ко мне, мой друг, – ответил Вивиан, не отрываясь от журнала.

– Иногда у меня такое ощущение, что у тебя на лбу написано: алло, дамы! Мимо меня ни одна из вас не пройдет!

– Судя по твоим разговорам, Эрик, все двести латинских терминов ты уже выучил назубок?

Врач недовольно фыркнул и уткнулся в книгу.

– А ты, судя по всему, уже подготовил мою аттестацию? – задал он ответный вопрос.

– Не торопи события. У меня есть целый месяц.

– Ты мог хотя бы одним глазком просмотреть материалы. Тебе что, трудно?

Вивиан перевернул страницу и взял со стола ручку и лист для записок.

– Я подробно изучил материалы. Именно поэтому ты вместо того, чтобы помогать мне и наблюдать за тем, как работают врачи в приемном покое, учишь латынь.

– У меня все в порядке с латынью!

– Что-то подсказывает мне, что повторение не ухудшит твою память.

– Уж лучше бы я в свое время решил, что хочу работать с доктором Миллером, а не с тобой!

– Но зато как редко ты бы видел рядом с собой красивых женщин.

– Рядом с собой я до сих пор их вижу редко. А вот рядом с тобой – постоянно!

Вивиан не отреагировал на последнюю реплику и, сняв с ручки колпачок, написал на листе для записок пару слов.

Интерн скорчил недовольную мину, перед этим убедившись, что доктор Мори увлечен статьей, отложил книгу и посмотрел в направлении служебного помещения, отделенного от кабинета дверью из прозрачного стекла.

– Кто это там? – в очередной раз заговорил он. – На доктора Миллера не похоже.

Вивиан поднял глаза.

– Если мои глаза не обманывают меня, это доктор Гентингтон. Что она делает здесь в такой час? Надо ей сказать, что мы умираем от скуки. Помощь нам не нужна, но компания не помешала бы. Особенно ее компания.

– Вот, об этом я и говорил! – торжествуя поднял палец молодой врач. – Как только ты появляешься здесь, сюда приходит весь женский персонал больницы! Включая... – Он осекся, и, как могло показаться, смутился. – Включая доктора Гентингтон!

– Почему ты решил, что она пришла ко мне?

Интерн смотрел на то, как доктор Гентингтон снимает белый халат и вместо него надевает зеленый халат дежурного врача приемного покоя.

– Она ведь меня даже не знает, – попробовал возразить он.

– Лично пока что не знает. Но решила исправить эту досадную оплошность и пришла познакомиться. Если ты хочешь узнать мое мнение, это не самый худший, а как по мне, так один из самых лучших вариантов. Рыжеволосая зеленоглазая красавица, скрывающая более чем выдающиеся внешние данные под скромной одеждой, которая много работает и страдает от того, что ей не хватает внимания мужа. Твой профессор написал в рекомендации, что у тебя нераскрытый талант диагноста. Учись применять его не только в связи с работой.

Доктор Гентингтон застегнула пуговицы халата, глядя в зеркало, после чего распустила пышные рыжие волосы и вновь принялась собирать их в строгую прическу.

– Если честно, – заговорил молодой врач, – я бы взял ее за волосы, поставил бы на четвереньки и не слезал бы с нее до самого утра.

– Эрик! – Доктор Мори брезгливо поморщился. – Кто тебя научил говорить такие мерзости?

– Уж точно не ты. Потому что ты предпочитаешь делать мерзости, а не говорить о них! Это твоя отличительная черта.

– Воздержись от подобных комментариев, даже если рядом нет дамы.

Интерн в очередной раз сделал недовольное лицо, на этот раз так, чтобы собеседник это заметил, и уткнулся в книгу.

Доктор Гентингтон вошла в кабинет и оглядела присутствующих. Взгляд ее скользнул по молодому врачу и остановился на Вивиане.

– Доктор Мори, – сказала она. – Разве это не дежурство доктора Миллера?

– Это было дежурством доктора Миллера до того момента, как он попросил его заменить. А что здесь делаете вы? Он должен был, в свою очередь, заменить меня. То есть, он должен дежурить сейчас. Вместо вас.

Доктор Гентингтон положила на стол принесенные документы.

– Похоже, доктор Миллер счастливо избежал еще одного ночного дежурства.

Интерн на секунду поднял глаза на женщину и снова сделал вид, что увлечен чтением.

– Знакомьтесь, – заговорил Вивиан. – Доктор Анжелика Гентингтон, руководитель отделения кардиологии. А это мой подопечный, доктор Эрик Кросс. Обратите внимание, как усердно он изучает латынь! Могли ли вы похвастаться такой страстью к этому языку в университетские годы? Даже я не мог, несмотря на мой отличный диплом.

– Приятно познакомиться, доктор Кросс.

Молодой врач поднялся.

– Пойду выпью кофе, – сказал он и посмотрел на Вивиану. – Хорошего вам дежурства,

доктор Гентингтон, – добавил он, повернувшись к Анжелике.

– Спасибо, – ответила она. – Спокойной ночи.

Вивиан проводил интерна взглядом и отложил журнал.

– Вы прекрасно выглядите, – сказал он. – Женщина, которая умудряется выглядеть хорошо даже в форме парамедика – это особенная женщина. Знает ли ваш муж, как ему повезло?

– Вы заставляете меня краснеть, доктор Мори, – заметила Анжелика, занимая то кресло, где несколько секунд до этого сидел Эрик.

– Так что вы здесь делаете? И почему доктор Миллер в очередной раз пользуется добротой коллег? Если я не ошибаюсь, это ваше третье ночное дежурство на этой неделе.

– То же самое я могу сказать и о вас.

Вивиан пару раз кивнул, соглашаясь.

– Вы правы. Но мы работаем вместе не один год, и вы, наверное, уже заметили, что я часто беру ночные дежурства. А вам полагается одно дежурство в неделю. Как замужней женщине.

Анжелика предпочла не реагировать на эти слова. Она наклонила голову и помассировала шею.

– Ужасно себя чувствую, – поделилась она. – Уже пару дней болит горло, а сегодня еще и температура... только подумаю об этом дежурстве, сразу делается тошно.

– Разрешите?

Первой реакцией Анжелики было вежливо отстраниться, но она позволила Вивиану коснуться пальцами ее лба.

– Похоже, вы действительно приболели. Я не могу позволить вам оставаться тут в таком состоянии, да еще и ночью. Я позвоню профессору Монтгомери. Он решит, кто будет дежурить вместо вас.

– С какой стати вы принимаете за меня решения, доктор Мори? Отправляйтесь домой. А если вы хотите мне помочь, то будьте так добры – я хочу горячий чай с медом. Доктор Мори! – Она возмущенно посмотрела на Вивиана, который поднимал трубку служебного телефона. – Вы слышали, что я вам сказала?

Он поднес трубку к уху и набрал номер.

– Конечно, доктор Гентингтон. Я всегда внимательно слушаю то, что говорит мне собеседник. И особенно если этот собеседник – дама. Профессор Монтгомери? – переключился Вивиан на разговор с человеком на другом конце провода. – Добрый вечер. Это доктор Мори. Извините, что беспокою вас в такой час. Нет-нет, ничего не случилось. Доктору Гентингтон нездоровится, и я хотел спросить у вас, кто может ее заменить. Нет, доктора Миллера я не видел. Доктор Ковальский? Разумеется. Да, буду признателен, если вы позвоните ему. Да, я отлично себя чувствую. А вот доктору Гентингтон не помешало бы отдохнуть. Спокойной вам ночи.

Анжелика откинулась в кресле и скрестила руки на груди.

– Вы упрямее самого упрямого осла, – сказала она. – Как вас терпит ваша женщина?

Вивиан вернул трубку телефона на место.

– Я забочусь о вашем самочувствии, только и всего.

– Мне уже не пятнадцать лет, я в состоянии позаботиться о себе самостоятельно!

– О женщинах нужно заботиться, доктор. На то они и женщины. Вы любите сладкий чай или же положить только мед?

Анжелика повернулась к окну.

– Только мед. Две ложки. И не доставайте пакетик, пожалуйста.

Вивиан открыл один из шкафов и достал оттуда небольшую коробку с чаем.

– Итак, судя по тому, что вы проигнорировали мою реплику о количестве дежурств, у вас что-то неладно дома, – заговорил он.

– Это не должно вас волновать, доктор Мори.

– Вы знаете, что мы заболеваем из-за личных проблем?

– Я простудилась потому, что промочила ноги. Моя личная жизнь не имеет к этому отношения.

Вивиан открыл баночку с медом.

– Вы испытываете неудовлетворенность во всем, что касается личной жизни, – произнес он – не нравоучительно, а спокойно, будто констатируя научный факт. – И пытаетесь вылечить эту неудовлетворенность работой, но от этого вам только хуже.

Анжелика в очередной раз посмотрела на него.

– Доктор Мори, мне не нужны советы психоаналитика.

– Вы много работаете, редко видите своего мужа и почти с ним не общаетесь. Это отрицательно влияет на ваш брак.

– И что же вы предлагаете?

– Во-первых, я бы предложил вам отказаться от ночных дежурств. Во-вторых, я бы предложил вам разнообразить личную жизнь. Посмотрите, теперь тут прозрачные чашки! Какая замечательная идея. Прошу вас.

Анжелика взяла чашку с чаем.

– Что вы подразумеваете под фразой «разнообразить личную жизнь»?

– Вы с Джеральдом – абсолютно разные люди. Он много чего повидал и попробовал, и его вряд ли можно чем-то удивить. Ваш случай являет собой полную противоположность. Но в этом нет ничего плохого. Как я понимаю, он ваш первый мужчина? Первый и единственный на сегодняшний день?

Анжелика поддела пальцем висевшую на ее шее золотую цепочку с крестиком.

– На сегодняшний день, доктор Мори? – переспросила она.

– Да. Мы ведь не знаем, что случится завтра или послезавтра, даже если уверены в непоколебимости наших моральных принципов. Почему бы вам не попробовать что-нибудь новое? В вашем случае пробовать можно бесконечно – есть масса вещей, о которых вы и понятия не имеете.

– Джеральд достаточно уважает меня для того, чтобы понимать и принимать мои взгляды.

– Он понимает и принимает их до тех пор, пока чаша его терпения не переполнится, доктор Гентингтон. Не подумайте, что я осуждаю ваши жизненные устои, пусть и не принимаю их, потому что они мне чужды. Давайте посмотрим на это с другой стороны. Ваша вера не запрещает вам исследовать мир. И уж тем более не запрещает вам быть счастливой. А также получать удовольствие от жизни в общем и от секса в частности. Иначе это совсем глупая и лишняя вера – зачем человеку верить во что-то, что делает его несчастным?

Анжелика сделала глоток и обхватила чашку руками, согревая ладони.

– Если бы у меня спросили, как должен выглядеть, говорить и мыслить Дьявол, доктор Мори, то я предложила бы вашу кандидатуру.

– Разве я сказал что-то дьявольское?

– Нет, не сказали. Но в том, как вы это преподнесли, что-то дьявольское определенно присутствовало.

– Пожалуй, я приму это за комплимент.

Вивиан поставил на стол свою чашку с кофе.

– Нас с Афродитой пригласили на костюмированный бал в субботу. Насколько я знаю, ваш муж тоже там будет. Вы составите ему компанию?

Анжелика удостоила его надменным взглядом.

– Если, конечно, к тому времени вы будете лучше себя чувствовать, – добавил он поспешно.

– Я подумаю над вашим предложением, доктор Мори. Сначала мне нужно переварить то, что вы мне сказали сейчас.

Сотовый телефон Вивиана, лежавший на столе между бумаг, напомнил о своем присутствии негромкой трелью. Он взял аппарат, бросил взгляд на определитель и ответил на звонок.

– Да?

– В холодильнике полно еды, а ты ни к чему не притронулся? Ты опять ешь всякую гадость?

Пауза затягивалась, и Афродита на другом конце провода не торопилась нарушать молчание.

– Я много работал, дорогая. Домой приходил только для того, чтобы спать.

– Это оправдание уже устарело. Пожалуйста, приезжай.

На Афродите было длинное шелковое платье кремового цвета с глубоким декольте и открытой спиной. Она открыла дверь и посторонилась, пропуская Вивиана в квартиру.

– Тебе пришло несколько писем, – сказала она. – Судя по всему, это счета. И там есть еще одно – от одного из твоих парижских друзей. Я нашла твой нож для писем. Он был на столе в гостиной. Вещи не теряются, если класть их на место.

Вивиан снял плащ.

– Когда ты вернулась? – спросил он.

– Пару часов назад. Этого времени мне хватило для того, чтобы принять душ. А также для того, чтобы убедиться, что ты ничего не ел. Если тебе не будут накрывать на стол, ты умрешь от голода?

– Я хотел попросить прощения. Я не очень красиво с тобой разговаривал.

– Да, ты часто грешишь подобным.

– И еще я хотел сказать, что соскучился.

Афродита приподнялась на носки и уткнулась носом в его шею.

– От тебя пахнет только «Армани», от которого сходит с ума каждая встречающая женщина. Но женщиной от тебя не пахнет. Ты соскучился по мне? Или просто соскучился?

– Обычно я использую точные формулировки.

Она взяла его за руку.

– Пойдем. Я кое-что принесла. Надеюсь, ты оценишь.

Большие цифры электронных часов на тумбочке у кровати сообщали, что сейчас начало четвертого утра. Из приоткрытого окна доносился шум дождя, и комнату наполняла ночная

свежесть.

– Ты сегодня явно в духе, – заговорила Афродита, сворачивая очередную порцию принесенной «травы». – Откуда у тебя берутся силы после двадцати часов работы?

– Пусть это будет моим маленьким секретом.

Вивиан щелкнул зажигалкой и осторожно затянулся.

– Не знаю, что ты принесла, – прокомментировал он, – но такого я не курил как минимум года два.

– Я же сказала, что тебе понравится. – Афродита наклонилась к его руке и тоже сделала затяжку. – Когда-нибудь мы вырастем, и больше не будем курить «траву».

– Конечно, вырастем. Все когда-нибудь вырастают. Но не думаю, что это случится скоро.

Она помолчала.

– Я решила, что тебя создали для секса, – объявила она серьезно. – Есть люди, которых создали для того, чтобы они были актерами, писателями, художниками. Есть люди, которых создали для того, чтобы они вдохновляли. А тебя создали для секса. Если бы мне не нужно было уходить по делам, я бы занималась с тобой любовью двадцать четыре часа в сутки. Только не думай о себе слишком много, есть много мужчин, которые в постели лучше тебя. Но с тобой это... иначе. Все те мужчины одноразовые. Максимум раза на два или три. А с тобой можно заниматься любовью постоянно, и не надоеет. Завтра ты работаешь?

– Нет. Разве что пара дел, связанных с психоаналитической практикой, но это не требует моего присутствия.

– Значит, завтра мы будем заниматься любовью весь день.

– Если я не ошибаюсь, завтра у тебя первые пары в университете? Семинар господина Фельдмана?

Афродита сделала еще пару затяжек и посмотрела на то, как дым медленно растворяется в воздухе.

– О, черт. Ты прав. И спать мне осталось всего ничего. Ну ладно. Я отлично выгляжу, даже если не сплю ночью.

Вивиан погладил ее по волосам.

– Знаешь, в такие моменты мне в голову приходит глупая мысль. Мне хочется сказать тебе, что я люблю тебя.

– После хорошего секса всегда хочется сказать тому, с кем ты спал, что ты его любишь.

– Я не имею в виду секс. Просто я думал... пытался охарактеризовать наши отношения. Мы не просто друзья, не просто любовники... а кто же мы тогда?

Афродита взяла пепельницу и стряхнула в нее пепел.

– Зачем тебе это знать?

– Почему ты живешь именно со мной?

Она задумалась, рассеянно потрепав волосы.

– Ты умный, – начала она. – У тебя много денег. Тебя не волнует мнение окружающих. Ты приятный собеседник. Хороший любовник. Можешь дать совет. Можешь по достоинству оценить то, что я делаю, а можешь и покритиковать, если это нужно. А еще я очень люблю твое тело. – Она поцеловала его в шею. – Это достаточно полный список?

– Адам спросил у меня, люблю ли я тебя. И я поймал себя на мысли, что не могу ответить на этот вопрос.

– Тебя так пугает тот факт, что ты кого-то любишь? Кроме себя?

– Ладно. Пустое.

Афродита положила голову ему на плечо и прикрыла глаза.

– Нам пора спать, – сказала она. – Кстати, я еще не говорила, что готовлю подарок на твой день рождения?

– Судя по тому, что ты готовишь его за три месяца, это стоящий подарок.

– Он тебе понравится. А через пару дней я покажу тебе, что я написала. Это тебе тоже понравится.

– А Адаму ты это уже показывала?

– Пока что нет. – Афродита подняла голову и улыбнулась. – Пока что он этого не заслужил.

Глава восьмая

Адам часто слышал, как люди говорят: удача передается по наследству. Если ваши родители были успешными людьми, вас ожидает то же самое. Он верил в это довольно долго. Ну, а потом, как водится, убедился, что это ложь.

Джейкоб Фельдман, отец Адама, заработал свои первые деньги в шестнадцать лет. Впрочем, ему не было смысла перенапрягаться – он родился в богатой семье, и при желании мог присоединиться к делу отца. На двадцать первый день рождения Джейкобу подарили место на бирже, и с того момента дорога к успеху была выстлана красным ковром. От отца ему передался и талант бизнесмена, и умение тратить деньги с умом, и звериное чутье, связанное с риском в финансовых махинациях. К двадцати пяти годам, когда Джейкоб Фельдман женился на Рэйчел Коэн, матери Адама, состояние его насчитывало два миллиона долларов.

Адаму, единственному ребенку в семье и наследнику, отец с детства навязывал мысль о финансовой карьере. У мальчика были способности к математике, но гораздо больше он любил языки и литературу. Джейкоб Фельдман смотрел на своего сына и понимал, что тот вряд ли станет экономистом или бизнесменом. И Адам это тоже понимал. Он ненавидел задачи по математике, любил читать книги и гулял в одиночестве по вечерам. И думал о том, что ему хочется быть не бизнесменом, а писателем.

Учителя литературы не уставали повторять, что у Адама есть талант, и этот талант нельзя зарывать в землю. Он выигрывал литературные конкурсы, причем делал это так легко, будто конкурентов у него не было. Его сочинения зачитывали перед всем классом. Порой Адам на скучных уроках математики вместо того, чтобы решать уравнения, доставал свой блокнот и писал свой первый роман. Пока что нескладный, без смысла и сюжета, но тогда ему казалось, что он гениален.

Когда Адаму исполнилось восемнадцать, Джейкоб Фельдман поставил вопрос ребром.

– Ты собираешься получать профессию, Адам? – спросил он.

– Если честно, не вижу в этом смысла, папа, – ответил тот.

– В нашей семье не было ни одного человека без высшего образования. И ты не станешь исключением.

– Хорошо, папа. Тогда я буду лингвистом, – заявил будущий писатель Адам Фельдман. Он и сам не понимал, зачем выбрал эту профессию. Скорее всего, потому, что она на тот момент казалась ему ступенькой на пути к исполнению мечты.

В холодной туманной Англии Адам понял, что между успехами на школьных конкурсах и написанием книг находится огромная пропасть, которую не так-то легко перепрыгнуть. Он написал первый серьезный роман и отослал его во все издательства, адреса которых сумел найти. Половина издательств отмолчалась, вторая половина ответила вежливым отказом, и только в паре писем говорилось о том, что он выбрал «не совсем подходящую тематику». Психологическая проза была специфическим жанром. Особенно если учесть, что в его случае это была, скорее, эротическая проза.

Может, Адаму Фельдману не доставало деловой хватки или умения считать деньги (он привык к тому, что они у него были всегда), но он никогда не сдавался после первой неудачи. Воспитание отца сыграло свою роль, а остальное завершило знакомство с Джеральдом Гентингтоном, которому, как до сих пор полагал Адам, он был обязан началу своей

писательской карьеры.

Джеральд Гентингтон был старше его на три года. К тому времени он уже имел диплом магистра психологии, а в университете изучал историю. Джеральд очаровывал любого человека, с которым успевал перекинуться парой слов, друзья носили его на руках. Все, за что он брался, получалось у него так хорошо, будто он занимался этим всю жизнь. Джеральд отлично учился, сдавая сессии досрочно, успевал работать, устраивал домашние вечеринки, каждую неделю заводил новый роман, был поклонником творчества Феллини, слушал Элтона Джона и Оззи Осборна (тот, кто не понимал, как все это можно связать вместе, просто не был с ним знаком). А еще Джеральд был издающимся писателем. На момент их с Адамом знакомства он успел написать две книги и работал над третьей.

«Золотой мальчик» – так называли Джеральда Гентингтона. Куда бы он ни повернул, госпожа Удача смотрела ему в глаза и будто бы подсказывала верные ходы. У него были друзья, у него были женщины, были деньги и был успех. При этом никто не упрекнул бы его в том, что он слишком много о себе думает. Может, конечно, думал он о себе много – Адаму пару раз приходила в голову подобная мысль. Но именно Джеральд Гентингтон в свое время помог Адаму – осознанно или неосознанно – отвлечься от мыслей о своей неудаче и продолжить работу. Адам был уверен – его время рано или поздно придет. Правда, время почему-то не торопилось.

После окончания университета на счету Адама Фельдмана было два неопубликованных романа и несколько писем из издательств по поводу обеих рукописей, и содержание этих писем ободряющим или внушающим надежду можно было назвать с натяжкой. Эти рукописи он привез с собой, вернувшись в Мирквуд. Сразу по возвращении он отправился в первый попавшийся бар, потому что больше всего на свете ему хотелось напиться до беспамятства. В этом баре он встретил человека, которому было суждено изменить его судьбу: литературного агента Чарльза о'Салливана, внештатного сотрудника издательства «Мирквуд Таймс».

Адам по сей день не имел понятия, каким образом рукопись его второго романа оказалась у Чарли, но факт оставался фактом: в тот вечер литературный агент ушел из бара, держа в руках аккуратно переплетенную папку отпечатанных листов. Через неделю он позвонил Адаму и со свойственной ему «деликатностью» сообщил:

– Фельдман, вы вообще понимаете, что написали? Вы не могли сразу прислать эту рукопись мне?!

Пока Адам размышлял над ответом, Чарльз продолжил:

– Я хотел бы встретиться с вами. Нам нужно обсудить условия контракта.

– Условия контракта?!

– А вы хотите подарить свою книгу издательству «Мирквуд Таймс», не получив за нее ни цента? Скоро ваше имя будет стоить не одну тысячу долларов.

Когда Адам впервые увидел книгу «Прозрачный гранит» на витрине книжного магазина («Дебют писателя Адама Фельдмана», гордо сообщалось на обратной стороне обложки) рядом с новой книгой Джеральда Гентингтона «Остров забытых желаний», то сначала не поверил, что это происходит на самом деле. В тот момент он, разумеется, не думал о том, что его первая рукопись будет издана уже через полгода. И уж точно не думал о том, что через несколько лет на его счету будет уже шесть изданных книг.

У доктора Мори и Джеральда было много общего. Почему-то именно эта мысль пришла в голову Адаму, когда он бродил по огромному залу в толпе разодетых в костюмы людей и не

знал, чем заняться. Вивиан был интеллигентной, уравновешенной и утонченной копией Джеральда. В Джеральде Адаму больше всего нравилась жизнерадостность, пусть у того иногда и случались приступы острого цинизма и меланхолии. А в докторе Мори жизнерадостности он не замечал. Доктор любил жизнь, но какой-то особой любовью, в которой любовь была, а вот радости не было. Он относился к жизни так же, как к своим научным работам: изучал, с прохладным любопытством и рассудительностью пробовал на зуб и принимал, если ему это нравилось, или оставлял позади, если это его не устраивало. Адам думал о том, что доктор Мори и Джеральд могли подружиться, но близкими друзьями никогда не стали бы. Джеральд, несмотря на маску уверенного в себе человека, боялся встретить кого-то, кто каким-то образом на него повлияет и заставит измениться. И Вивиан мог стать таким человеком. А Джеральд почувствовал бы это сразу.

Ни одного из присутствующих Адам не знал. Ни лично, ни в лицо – по крайней мере, за те полчаса, которые он провел, исследуя зал и пробуя еду, ни одного знакомого он не встретил. И он не мог понять, почему чувствует себя неуютно – по причине такого количества незнакомцев вокруг или же по причине того, что незнакомцы эти были в костюмах. Лица части из них скрывали маски, так что понять, кто является знакомым, а кто нет, было проблематично. Адам не замечал за собой особой скромности, обычно он быстро находил общий язык с окружающими и отлично вписывался в любую компанию, но этот вечер являлся исключением из правил. После пары бокалов шампанского ощущение легкой скованности даже не думало исчезать.

Костюму Адам предпочел классический фрак, и, наверное, выглядел белой вороной. Впрочем, незнакомцы были другого мнения. Они проходили рядом с Адамом, кивали ему, здоровались, спрашивали, как дела. Адам курил вторую сигарету за полчаса, размышляя над тем, можно ли стряхивать пепел на пол, и продолжал изучать толпу на предмет знакомых лиц (или, если принимать во внимание странный вид гостей, скорее, фигур).

– Господин Фельдман! Наконец-то я вас нашел.

Доктор Мори в костюме Призрака Оперы смотрелся хорошо – как подумал Адам, даже лучше, чем в костюме старомодного покроя на презентации его книги, в тот день, когда они решили проехаться за городом. Маску он держал в руке, и создавалось впечатление, будто он минут пять назад выступал на сцене, а теперь вышел передохнуть во время антракта. И, как и полагается, рядом с Призраком Оперы была Кристин – впервые за все время их знакомства с Вивианом Адам увидел Афродиту и доктора вдвоем на публике. Афродита в роли Кристин тоже выглядела замечательно – на ней было длинное белое платье из легкого шифона в несколько слоев, довольно-таки скромное и уж слишком романтическое для нее, но образ был прочувствован идеально.

– Где же ваш костюм, господин Фельдман? – спросила Афродита.

– К сожалению, я не смог придумать ничего стоящего.

– Как по мне, вам пошла бы форма. Что вы думаете насчет красивого мундира? Белый с золотом? Хотя смокинг вам тоже к лицу. Правда, Вивиан?

Доктор Мори, похоже, ее обращения не услышал – он общался с подошедшим к нему мужчиной в костюме римского легионера.

– Приятно видеть вас снова, – сказал мужчина. – Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете?

– Разве можно чувствовать себя плохо, когда вечер только начался?

Мужчина с улыбкой кивнул.

– Да, судя по всему, чувствуете вы себя превосходно. Почему вы не пьете? Вы за рулем?

– Мы только что пришли. Я собираюсь за сорок минут, но разве вы не знаете, сколько времени на то, чтобы собраться, требуется женщинам?

– Полагаю, те же сорок минут, только женские. То есть, пара часов. Я могу предложить вам бокал шампанского?

– Я не отказался бы от рюмки коньяка.

Мужчина подозвал официанта.

– Будьте добры, принесите доктору рюмку коньяка.

Официант кивнул и отправился выполнять заказ.

– Как поживают ваши кошмары? – осведомился Вивиан. – В прошлый раз вы говорили мне, что они стали навещать вас реже.

– Да, но теперь они просто ужасны. Мало того – в них еще есть и эротический подтекст...

– Вы записываете свои сны?

– Да, конечно... – Мужчина отвел глаза, и на несколько секунд на его лице появилось отсутствующее выражение. – Если честно, меня злит это занятие.

– Давайте обсудим это во время нашей следующей встречи, – предложил Вивиан, принимая у официанта коньяк. – Ваше здоровье. Вечеринки – это отличная идея.

Мужчина сделал глоток шампанского, бокал с которым он держал в руках.

– Если бы не вы, доктор, мы бы вряд ли собрались здесь.

– Не преувеличивайте, Патрик. Я просто скромный гость.

– Готов поставить свой последний доллар на то, что больше половины гостей с вами не согласится.

– Готов поставить свой последний цент на то, что путь до вашего последнего доллара долог.

Мужчина весело рассмеялся.

– Кстати, позвольте мне представить вам Адама Фельдмана. Вы ведь не знакомы?

Адам вежливо улыбнулся.

– Адам Фельдман? – Патрик удивленно поднял бровь. – Какой сюрприз! Я ваш преданный читатель. И последняя книга чудесна. Я не попал на презентацию, о чем очень жалею... ах, я не представился. Патрик Мэйсон. – Он улыбнулся. – Вы, наверное, обо мне тоже слышали.

– Разумеется. Мое почтение, господин Мэйсон.

Патрик Мэйсон был коллегой отца Адама, в прошлом – его компаньоном. Один из самых богатых людей города, он занимал руководящий пост в «Мирквуд Банк» и являлся одним из держателей основного пакета акций вышеупомянутого учреждения. А также был крупным меценатом и любителем искусства – он открыл в городе две галереи, в одной из которых выставлялись признанные мастера, а в другой проходили выставки начинающих фотографов. Если верить слухам, Патрик Мэйсон за свои сорок пять успел трижды жениться и развестись, а также сделать шестерых детей.

– Вы тоже пациент доктора? – задал очередной вопрос господин Мэйсон.

– Я? – Адам растерялся, услышав этот вопрос – его привело в замешательство слово «тоже», а не «пациент». – По правде сказать... нет.

– Это мой хороший друг, – вышел из положения доктор Мори и прибавил после паузы: – Пока что он не торопится в пациенты.

Афродита картинно зевнула и чуть крепче сжала руку Вивиана.

– Госпожа Вайс, сегодня вы великолепны, – сообщил ей Патрик, от которого не ускользнуло маленькое представление.

– Благодарю вас, господин Мэйсон.

– Когда мы увидим вас на экране? Ваши поклонники ждут, но их терпение может закончиться.

– Совсем скоро.

– Я не буду вам мешать, друзья. Развлекайтесь. Чувствуйте себя, как дома.

Афродита посмотрела вслед уходящему Патрику.

– Он скучный сноб, – сообщила она Вивиану.

– Похоже, Кларисса так не думает.

– Какая Кларисса?

– Та самая, что играет твою сестру в новом фильме.

Афродита нахмурилась и перевела взгляд на него.

– Я думал, ты в курсе, что у них роман.

– Вот стерва! Она пару дней назад говорила мне, что он – последний мужчина, с которым она будет встречаться!

– Похоже, твоя подруга тебе не доверяет, дорогая.

Афродита взяла у официанта бокал с шампанским.

– Боится конкуренции.

Адам, который до этого молчал, переваривая происходящее, посмотрел на доктора Мори.

– Патрик Мэйсон – ваш пациент? – спросил он.

– Рака у него нет, если вы об этом. Зато есть целый ворох личных проблем, и еще его регулярно навещают кошмары. Мы встречаемся раз в неделю. Обсуждаем его сны и эротические фантазии.

– Так вы все же занимаетесь психоаналитической практикой?

– А вы думали, что я покупаю редкие книги, обувь за шестьсот долларов и езжу на последней модели «БМВ» на зарплату обыкновенного врача?

Афродита посмотрела на Адама и пригубила бокал с шампанским.

– Не забудьте и про мою одежду, а также про мою машину и про мой университет, господин Фельдман, – сказала она.

– Вы принимаете пациентов дома?

– Нет, – ответил Вивиан. – У меня есть клиника. Но я не рекламирую себя в качестве психоаналитика. У меня особые клиенты.

– Особые клиенты?

– Скажем так – влиятельные люди, которые предпочитают дискретность. Их много, как вы успели заметить.

И он обвел рукой зал.

– Все эти люди – ваши пациенты? – спросил Адам недоверчиво.

– Две трети.

Адам помолчал, изучая толпу гостей.

– А... зачем же вы работаете в больнице? Как я понял, практика – это ваш основной доход.

– Помимо работы в больнице и психоаналитической практики я занимаюсь научной работой и читаю лекции в университете. Я профессор с двумя докторскими диссертациями.

Научной работой и преподаванием я занимаюсь потому, что люблю знания и исследования. А в больнице я работаю потому, мой друг, что ваш покорный слуга принадлежит к числу тех идиотов, которые любят помогать людям.

Адам снова замолчал, не зная, как реагировать на сказанное доктором.

– Кстати, госпожа Торнворд когда-то тоже была моей пациенткой.

– Вы имеете в виду Изабель Торнворд?

– Да. Загадочная женщина... правда, я так и не понял ее до конца. Не успел. – Вивиан посмотрел на Адама. – Знаю, что вы хотите спросить. Соблазн был велик, но я устоял. Что до ее убийства: история неприятная. Даже не могу предположить, кто желал ей зла. В любом случае, сейчас вряд ли кто-нибудь сможет ответить на этот вопрос...

Джеральд и Анжелика Гентингтон появились рядом с собеседниками незаметно. Просто в какой-то момент Адам повернул голову в сторону, размышляя над очередной репликой доктора, и увидел их. Джеральд, похоже, тоже решил не морочить себе голову выдумыванием костюма и, как и его друг, предпочел смокинг. Его жена более трепетно отнеслась к своему внешнему виду: на ней было длинное платье из темно-синего бархата с открытой спиной. Скорее всего, Вивиана впечатлила именно открытая спина, а не слишком яркий для доктора Гентингтон макияж: сначала он поздоровался с Анжеликой, и уже потом обратил внимание на ее мужа.

– Вы замечательно выглядите, доктор, – сказал он ей. – Хорошо, что вы послушали меня и пришли.

– Я пришла не потому, что послушала вас, а потому, что мне захотелось прийти, – покачала головой она, возвращаясь к привычному образу Анжелики.

– Господин Гентингтон, – Вивиан кивнул Джеральду. – Я давно вас не видел. Много дел? Джеральд пожал плечами.

– Да, жизнь не стоит на месте. Работа, интервью, поездки... Привет, Адам.

– Я хотел бы поделиться с вами кое-какими мыслями по поводу вашей новой книги. – Вивиан поднял глаза к потолку. – Но не сейчас. Мне нужно подумать. А пока позвольте процитировать вам отрывок, который произвел на меня впечатление. «А еще тут есть зеркала. Много, много зеркал. Они не такие чистые, как в моих снах. Они мутные, блеклые, чем-то напоминающие приходящие в воспоминаниях лица чужих людей, которых мы видели когда-то, а потом безуспешно пытаемся вспомнить. Они похожи на чужие глаза, взгляд которых ты так и не смог забыть. Совершенно обычные глаза, такие, которые ничем не отличаются от миллионов других глаз на улицах. Ты видишь там себя. А что еще можно увидеть в зеркале? В какой-то момент ты понимаешь, что ты больше не можешь смотреть, тебя уже выворачивает наизнанку от осознания абсурдности происходящего. Но ты все равно смотришь. Смотришь так, будто это – самое дорогое, что у тебя есть, эта искаженная картина реальности, которая, наверное, никогда реальностью и не была. Так, будто это что-то, без чего ты не сможешь дышать. Так, будто ты не сможешь жить, если это у тебя отберут. Наверное, так люди смотрят на самую сладкую в своей жизни ложь. Еще до того, как осознают, что правды не существует».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5lg>